

Сергей Жук

На Восточном
порубежье
Книга 2

Сергей Жук

На Восточном порубежье.

Книга 2. Капитан Павлуцкий

<https://litres.ru/73566957>

SelfPub; 2026

Аннотация

Описанные в романе события, не вымысел автора, основанный на каком либо историческом факте, а сами события, воссозданные из множества первоисточников и работ уважаемых историков. Поверти! Сочинительства в данном произведении крайне мало. Приходиться лишь удивляться, до какой степени переплетены судьбы людей, а сами события тех лет наполнены драматизмом. Содеянное в первой половине восемнадцатого века, уже готовый романтический сюжет, насыщенный героями, интригами, приключениями и мистикой.

Сложность работы автора состоит лишь в том, чтобы за всем этим информационным потоком, разглядеть человеческую личность и объяснить его поступки. Это крайне сложно, ведь дошедшая до нас информация противоречива и несет отпечаток интересов, характера самого сочинителя и отправителя.

Содержание

Сергей Жук	4
Глава вторая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	85

**Сергей Жук
На Восточном
порубежье. Книга 2.
Капитан Павлуцкий**

**Сергей Жук
На Восточном порубежье
Книга 2
Капитан Павлуцкий
Глава первая
Виват! Виктория!**

«За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей -
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей -
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав

Жаркой шубы сибирских степей...
Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязны,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе, -
Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.»
Осип Мандельштам, март 1931 года.

1

Анадырский острог. Март 1731 года. Здесь собралось более пятисот человек служилых казаков, солдат и прочего люда посадского да торгового. По местным меркам многолюдье не виданное. Такое воинство русское в здешних местах еще не собирали. Причина тому непокорные туземцы, которых в обычае прозывать чукочи.

Еще волею императрицы Екатерины, супружницы Петра Великого, сюда послана Анадырская воинская экспедиция. Это было в 1727 году. Тогда предписывалось государыней немирных инородцев призывать и уговаривать в подданство добровольно и ласкою. Быть осторожными в отношениях, чтобы иноземцы те сами доброжелательно приняли власть государства Российского.

С тех пор минуло четыре года, срок не малый, но вот до свершений дельных так и не дошло, лишь экспедицию стали прозывать на модный манер – партией.

Оставшись, после гибели Афанасия Шестакова, единовластным командиром Анадырской партии, капитан Павлуцкий получил и власть над всеми гарнизонами Чукотских и Камчатских острогов. К этому времени это подлинно подтверждали бумаги Сибирского губернатора, а удаленность от столицы делала эту власть абсолютной и бесконтрольной.

Как человек военный, Павлуцкий решил силою оружия замирить чукоч, а если потребуется то и вовсе уничтожить. Для того капитан и собрал в Анадыре русское воинство, с новейшими фузеями и пушками, для того и от штурмана Генса требовал немедленного прибытия бота «Святой Гавриил» в устье реки Анадырь.

Но не все идет по задуманному, а уж в нашей истории и того паче. Судьба и случай определяет более чем человек, а порой и вовсе берет удила в свои руки и наплевать ей на все человеческие желания и устремления.

Сильно гневался капитан Павлуцкий, когда узнал, что «Святой Гавриил» зиму опять проведет на Камчатке. Да и то право, занервничаешь!?! Два года к ряду как в течение навигации главный флагман Охотской флотилии совершает по одному переходу протяженностью не более двух недель. Так его и вовсе не дожدهшься, а присутствие русского военного бота в здешних водах во многом бы переопределило поведе-

ние береговых чукчей.

Нерешительность Сибирского губернатора по поводу военных действий для Павлуцкого были непонятны, да и запоздалые ответы просто уже не к месту, и лишь раздражали капитана. Вот он и решился самостоятельно пройтись глубоким военным рейдом по землям чукоч. В случае сопротивления дать достойные сражения, с целью уничтожения их мужчин. Более того он собирался отбить все табуны оленей, лишив средств существования тех кто останется в живых, и этим принудить к заключению мира. Как известно на войне все способы хороши, а победителей не судят.

Анадырский острог был самым удаленным местом от столицы Российской Империи. Мало кто знал в Санкт-Петербурге это звучное название русской крепости в северо-восточном уголке империи, а вот его местонахождение вовсе было не ведомо. В первую экспедицию геодезистам Витуса Беренга так и не удалось побывать в этом богом забытом уголке Сибирской земли. Находясь вблизи полярного круга, отрезанное большую часть года от всего мира поселение было также независимо и самостоятельно, как если бы находилось посреди Арктического океана. Единственный сюда путь шел с Колымы через горы по землям немирных чукчей.

Эта независимость кружила головы многих приказчиков и различных командиров Анадыря, а капитан Павлуцкий не был исключением среди них.

Несмотря на огромный опыт колонизации, для русского

войинства места здесь тяжелые. Зима в чукотской тундре начинается рано. Прежде задуют ветра с метелями, следом мороз невиданный, и все превращается в ледяную пустыню. В этот период все живое прячется, и жизнь замирает.

Налаживается погода во второй половине февраля. День изрядно прибавится, ветра затихают и морозы легче. Благодать та длится до конца мая. Позже талый снег заполняет бескрайние болота и озера, что бесконечным лабиринтом покрывают каменистую тундру. Выходит, что для военных батальев лучшее время полярная весна.

2

Последние дни пребывания в остроге проходили в банных процедурах и церковном причастии. Мало ли что? Ведь смерть будет теперь неотступно следовать за православным воинством. Если после бани, то и рана легче заживет, а если смерть, то и в могиле чистым покойнее будет. Опять же постирать нательные рубахи требуется. В случае ранения они пойдут на перевязку.

Ох уж эта русская баня! Всем баням, баня! Отличие у нее от всяких турецких да финских весьма серьезное, можно сказать принципиальное.

Если там разговор идет о мягких процедурах и удовольствии с целью омовения тела, то в русском варианте омовение достигается через череду разнообразных пыток и муче-

ний, что весьма свойственно русской душе. Баня, своего рода маленькая преисподняя, и пройдя через нее, русский человек получает чистоту не только телесную но и духовную.

По поверьям черти, домовые, и прочие предпочитают для своего обитания именно черные бани. Поэтому, оберегая свои жилища от всяческой нечисти, православный люд ставит эти бани за околицей. Так и в Анадырском остроге, место им определили за посадом у реки.

Место удобное во всех отношениях. От души можно попариться и охладиться. Бани сладили все по черному. Оно конечно железо да кирпич здесь в редкости, но главное ни в этом. Черная баня лучше подходит для тех помывочных процедур, что веками оттачивались русским людом.

Народ в баню идет беспрестанно. За главного здесь казак Антип. Стар он уже для битв и калечен изрядно. Сейчас несет службу в государевой бане, со всей ответственностью. Дрова заготовить надо, протопить по всякой надобности. Казаки, когда со служб возвращаются в острог или какой посыльный или гость сподобится, так баня первое дело, без нее стужу не выгонишь.

Вот и сейчас служба круглые сутки. Чуть застудится баня, сразу Антип за дело берется. Надо тщательно все вымести, проскоблить полог да кипяточком обдать. Жар должен быть сухим, а для того камни до красна калить надо.

– Антип! Хватит народ морозить! Пушай в баню! – недовольно кричат казаки в предбаннике.

Распахнулась обитая медвежьей шкурой дверь парилки и в клубах пара объявился сам Антип. Годы скрутили мужика, раны искалечили тело, борода лопатой, волосы всклокочены, перемазанный сажей, местный домовый да и только.

— Погодить мужики требуется! Только угли вымел. Пушай настоится чуток, да дух свежий разойдется от пихтового масла. Ох и сладко париться будет!

Мужики бранятся более по привычке. Антипа все уважают. И не заслуги ратные тому причина, уж больно стоек он к жару банному. Будто уже знаком мужик с жаром адовым и банный для него так потеха.

Баня топится по черному, а это значит, что трубы у топки нет. Языки пламени струясь между камней, облизывая со всех сторон раскаляют их быстро, а дым поднимаясь вверх стелется по потолку и выходит в отверстия, что в углах сделаны.

Сейчас топку Антип вымел, а отверстия плотно заткнул куском шкуры. Баня срублена из доброго леса, потолок завален старыми шкурами и дерном, жар крепко держит. Камни тоже не всякие годятся. Их тщательно выбирают в реке. Размер должен быть подходящим, не колоться от жара, а копить его впрок. От такого камня ковш воды в раз отскочит невидим паром, издав лишь хлопок напоминающий пороховой, и не какого шипения.

Напротив каменьев сделан полог тремя широкими ступенями. Оно понятно, народ разный. Кому более жару требу-

ется тому вверх лезть, а кто послабее, тому и внизу хорошо.

Время настало и очередная партия казаков, галдя без остановки, ввалилась в парилку. Замолчали лишь после того как Антип поддал несколько ковшей воды. Приятный дух березовых веников разошелся по парилке как знак начала процедуры таинства банного омовения. Тут надо заметить, что русский человек с начало идет в баню, а уже после в церковь. Не в обиду чистоте духовной, но выходит, что баня первична для русской души.

Ну а далее пошло представление. Непрерывные хлопки пара, жар таков, что даже сальная свеча, стоящая в углу, загорелась синим пламенем.

Мужики стонали как под пытками. Антип со всей сноровкой и опытом хлестал их тела не жалея, как палач розгами свою жертву. Со стороны, человеку в этих делах не искушенному, все виделось бы примерно так. Мрачное, прокопченное до черноты помещение чуть освещенное сальной свечей. Раскаленные до красна камни и сильный сухой жар. Адское место, где изобретательность мучений достигла пика. Хлещут веником, мнут бока до хруста костей, растирают, скоблят, окачивают то холодной водой, то обваривают горячей, трут мочалками, что царапают не хуже битых кирпичей. Мужики прошедшие огни и воды пошатываясь выходят в предбанник. Те, что покрепче, приоденутся и пойдут в церковь на причастие, но большинство пойдет завтра, сегодня не до нее. А Антип тем временем обхаживает новую ватагу каза-

ков, со всей ответственностью. Теперь им не скоро придется погреть свои косточки, а вот холоду да невзгод хлебнуть предостаточно. Длинными ночами в холодных чумах отапливаемых лишь жирником, будут согревать их мечты о бане, что приготовит Антип по возвращению.

В предбаннике, опосля всех мук, принято чуток посидеть, что бы охлонуться. Здесь мужики зубоскалят вволю, чего только не услышишь? Но темы более все охальные, про баб. Такое уж место грешное, за глаза что не расскажешь! Ныне зацепили молодого казака Афоню.

– А ты Афоня не молод ли для царской службы? – спросил старый десятник Матвей Кривой.

– Я уже пятый год в приписных хожу, – ответил по взрослому Афоня, не чувствуя куда клонит десятник.

– Пять лет, и не женат! – удивились казаки, поддержав разговор. – Небось из похода молодую чукчанку собрался привести!?

– Можно и привести, – горделиво отозвался Афоня.

– А как не совладаешь с дикаркой! Опыта у тебя с бабами обходиться ведь нету!? – забеспокоились казаки.

Парень густо покраснел, не зная что ответить.

– Его надоть для сноровки пока на Воротничихе обже-нить! Та баба вдовая и опытная в этих делах, – серьезно предложил десятник.

– Так она же старая! А смотреть на нее даже днем страшно! – не чувствуя подвоха испугался парень.

– А чего паялится! По нашей темноте, с бабами услаждаться все более на ощупь приходится, – хихикнул кто-то.

– Слыхали! С Воротничихой ныне случай приключился! – продолжал десятник. – Ближе к половине августа, бабы за рекою ягоду собирали. А медведь надумал видно попугать их, и ринулся на них со всей яростью. Бабы завидев медведя от страха в кучу сбились. Одна Воротничиха не испугалась. Разделась старая до нога. В чем мать родила! Срам один! Растрепала волосы и в таком положении давай бегать по поляне кругами. Медведь как увидел голую Воротничиху, испугался да в лес утек обратно.

Хохотали мужики от души, смеялся вместе со всеми и молодой казак Афанасий.

3

Вокруг острога тоже оживление. Кругом по протокам и островам реки Анадырь раскинулись стойбища инородцев. Коряки с большой охотой присоединялись к русским для похода на извечных своих врагов чукчей. Ценность этого союзника состояло не в помощи туземцев как воинской силы, а более в стадах оленей и погонщиков к ним. Без оленей в тундре не выжить. Это и главное пропитание в походе и транспорт. Сколько придется колесить по ледяной пустыне, кто это знает? В каком другом случае у коряков олений не выпросишь, для них нет ничего ценнее этих животных. Кро-

ме того важен был вопрос сопровождения пленных и добычи, коей тоже были стада олений. В этих местах олени являлись основой всей жизни, поэтому возле острога всегда их было в достатке.

Ближайшие соседи по Анадырской долине были юкагиры. Малочисленный народ занимался более охотой и рыбалкой, платили исправно ясак, служили проводниками у русских, за то имели защиту перед чукчами и коряками. Юкагиры с интересом отнеслись к православию и вскоре большей частью были крещеными. С этих пор жизнь юкагиров из Анадырской долины стало во всем зависеть от русских, а снабжение острога мясом и рыбой основным их занятием.

Коряки другое дело. Многочисленный по местным меркам народ. Они проживали на обширной территории, что простирается по северной оконечности Камчатского полуострова, и северного побережья Ламского моря вплоть до Анадырской долины. Южные соседи чукчей, коряки сходны с ними и языком и обычаями. Человек посторонний с трудом найдет различия между ними. Будто народы одного корня, но вот ненависть, что разделяла их, была велика. Набеги чукчей страшны и кровопролитны. Они неожиданны не смотря на все предостережения, несут смерть мужчинам, полон женщинам и детям, и утерю многочисленных стад олений. Чукчи не стесняясь пополняют свои стада за счет южных соседей, считая это нормой, а корякские дети, что вырастают в неволи становятся их работникам, погонщиками

олений, хоть и не рабами, но людьми низшей касты.

Для коряков поход на чукчей совместно с русскими большая удача. Это возможность излить вековую ненависть, а главное пополнить стада олений. При том опасность не велика. Русским биться с ужасными чукчами, а их дело проводниками быть, олений стеречь, да перевозить воинство. Сейчас у коряков одна забота, сани и упряжки подготовить. А их много надо. Каждому русскому нужен погонщик, пара олений и сани. Пешком по тундре много не находишь, и чукчей не сыщешь. В одни сани умещается каюр да один казак с вооружением, и еще каждому две повозки с поклажей и продовольствием.

Тысяча саней собрано и изготовлено по приказу капитана. Хотелось бы больше да уже невмочь осилить такое количество. Собрал Павлуцкий в Анадыре войско в пол тысячи человек да просчитался. Не взять их в поход! Где наберешь такое количество саней и продовольствия? Лишь людей угробишь! Всего и смог взять двести пятнадцать человек русских, сто шестьдесят коряков да шестьдесят юкагиров.

Весь декабрь и январь, сидя в жарко натопленной приказной избе, под стон завывающей выюги, слушал капитан Павлуцкий рассказы старожил о прошлых походах на чукчей. Перечитал все челобитные и отписки служилых людей, что скопились в архиве за годы существования Анадырского острога.

Вот отписка за 1690 год. В этом году служилый человек

Василий Кузнецов отправился в поход на коряков, а от туда в чукотскую землю. Он был там убит чукчами вместе со всеми товарищами. Более ничего не разобрал Павлуцкий в той отписке неизвестного свидетеля далеких событий.

А вот более свежая за 1701 год, и авторы отписки имеются. Писана со слов казака Тимофея Доурцова, Федора Порного и Петра Монгула

– Били челом великому государю, а в Анадырском приказчику сыну боярскому Семену Чернышевскому ясачные юкагиры Ходынского роду Некраско с родниками подали челобитную, чтоб с ними послать из Анадырского служилых людей на немирных чукоч в Анадырский Нос, которые им юкагирам чинят в промыслу оленей смертные убийства и грабеж. И по тому их челобитью, он Семен послал их Тимофея с товарищами с анадырскими служилыми и промышленными людьми, в двадцать четыре человека, да Анадырских юкагиров и коряк более ста человек. И пошли они в поход в апреле месяце, и ходили 28 недель. В том походе возле Анадырского моря нашли пеших чукчей юрт тридцать. Под великого государя, под высокую руку их в ясачный платеж призывали. Но те чукчи им ясаку не дали и засели в юрты. Приказчик велел к тем юртам приступать, и на том приступе в тех юртах десять мужиков убили, а жен их и детей в полон взяли. Но те жонки сами себя кололи и детей довели до смерти. Оные чукчи стали в том Носу собираться в одно место. Идучи служилые люди с выше писанного побоища нашли их

чукоч сотни три и учинили с ними бой. Убили их человек двести а остальные ушли в побег. Но другой день встретили служилые люди чукоч в многолюдстве. Оленных и пеших было в сборе человек тысячи три, а может и больше. Бились с ними с утра до вечера и многих чукоч побили, а их служилых людей и ясачных юкагиров они чукчи человек семьдесят переранили, и от них отошли те чукчи и стояли близь их. И от тех чукоч сидели в осаде служилые люди пять дней и пошли от них на побег в Анадырский острог.

Прочитав эту отписку капитан Павлуцкий долгое время пытался ее осмыслить. Чукчи проявляли неслыханное ожесточение в бою, полоненные кололи и давили себя до смерти. Ведь даже в отписке, где старались всячески оправдать поражение, хорошо просматривался упорный, непримиримый, непобедимый характер чукчей.

Хлопнула в сенях дверь. В приказную, вместе со свежим морозным воздухом, ввалился Афанасий Мельников, нынешний приятель Павлуцкого. Планы Мельникова о морских путешествиях и открытиях новых земель рушились на глазах. И то право, какого дьявола этот незадачливый мореход, сидя в Анадырском остроге в тысяче верстах от морского побережья без корабля и всяких попыток его строительства мечтает о морских далях. Выглядит это весьма скверно. Своими сказками и уговорами, он конечно разжег воображение капитана, но имеющий власть Павлуцкий, в ведении которого была вся незадачливая Охотская флотилия, не в

состоянии был даже добиться прибытия единственного бота «Святой Гавриил». По неизвестным для них причинам судно зимовала на Камчатке и намерения штурмана Якоба Генса были неопределенны. Хотя тот же Мельников мог пояснить Павлуцкому, что устье реки Анадырь на картах не обозначено, с моря просматривается плохо, и задача прийти боту в назначенное время в устье Анадыря дело если и возможное то весьма непростое.

– Здоровья вам и всяческой благодати! – произнес Мельников, и с уважением взглянул на старые свитки. – Благое это дело, а меня вот бог обделил, не дал сподобиться грамоте.

– Если опять пришел про «Святого Гавриила» пытаться, то мне сейчас не до этого, – недовольно произнес Павлуцкий.

– Так ведь дело более не терпит отлагательства, тем паче что выступаешь в поход. Ты бы господин капитан еще Генсу отписал, да припугнул его сыском и тюремным заключением.

– Уже отписал! Я этого голландца в бараний рог загну! Но оставим сейчас это. Скажи мне, что за народ такой чукчи! Отчего не идут под государеву руку, отчего им смерть милее.

– Дикий народ! Кто их поймет!... – Афанасий задумался. – Они горды и независимы. Не приемлют чукочи ни какую власть над собою. Не боятся смерти, от того страха не ведают. Им не дано понять, чего хотят от них русские. Чукчи горды, страсти их возбуждаются легко. Чувствительны больно к обиде и стараются отомстить всеми возможными способами.

Одним словом Ди...ка...ри.

— Когда почувствуют нашу силу, поймут, а если нет, то всех уничтожу, — решительно произнес драгунский капитан.

Не понял Павлуцкий слова приятеля, хотя тот был близок от истины. Не понимал, и то, что непросто уничтожить народ, который сумел выжить в ледяной пустыне и не зря звался грозой тундры. Здесь все принадлежало им, и все было их союзником. Даже союз русских с коряками и юкагирами не менял расстановку сил и сути проблемы.

4

12 марта 1731 года русское воинство под командованием капитана Тобольского драгунского полка Дмитрия Ивановича Павлуцкого, ныне единоначального командира Анадырской партии выступило из острога и двинулось в земли оленных чукчей.

Стояла ясная морозная погода. Твердый снежный наст надежно держал оленьи и собачьи упряжки груженные провиантом и доблестным союзным воинством. В походе участвовало 215 русских, 160 коряков и 60 юкагиров. Еще никогда здесь на северо-востоке Сибири русские для похода на инородцев не собирали столь внушительной силы. К отряду присоединились также самые отчаянные из промыслового и торгового люда.

Отряд шел строго на север. Его путь лежал более по рекам

скованных льдом. Пройдя гористые, безлесные места реки Убиенки, свернули на северо-восток. Весеннее солнце робко показываясь над горизонтом с любопытством освещало идущий по ледяной пустыне караван. Тени вытягивались в длинную линию, будто стрелы указывая и сверяя маршрут движения этих суровых людей посланных на край земли для приведения непокорных инородцев под Государеву твердую руку.

Кругом простирались холмы из камня и снега. Синий, черный и белый цвет заполняли пространство, позволяя другим краскам радовать глаз лишь в ночное время. Луна достойно заменяла дневное светило, освещая пространство синевато-серебристым светом, создавая обманчивые тени и пугающие фигуры, а северное сияние весьма обычное в этих широтах дополняло с избытком недостачу красок.

Ночью караван идет также уверенно как и днем. Полярная звезда указатель не хуже солнца. Чукчи и коряки называют ее кол-звезда. Она считается воткнутым колом, все остальные звезды ходят вокруг нее как олени на привязи. Только не любят инородцы ночных походов. В темноте в пустынных местах далеко от стойбищ, любимые места обитания злых духов Келетов. Здесь они сильны и опасны. Лишь шаманы способны противодействовать им.

В одну из ночей Павлущий был разбужен криком каравального.

– Капитан! Капитан! Вылась скорее!

Ругаясь на чем свет, думая, что чукчи напали на лагерь, путаясь в спальном мешке, Павлуцкий выбрался из кибитки, что была устроена на санях. Кругом в молчании, задрав головы стояли русские и коряки.

Глазам сразу представилось грандиозное смешение самых ярких красок и ослепительного света, которые человеческий ум представить не в состоянии. Весь небосклон от края до края, да что том, вся вселенная казалась залита этим огнем. От востока до запада как гигантская радуга, протянулась полоса этого божественного света. Малиновые, желтые длинные лучи веером расходились в разные стороны от ее выпуклой части до самого зенита. Волны лучезарного, фосфорического цвета с завидной периодичностью проносились через все небо будто по вселенскому океану.

Каждая часть этого свода дрожала, меняла краски, а сверкающие полосы образующие его край описывали круги и разнообразные фигуры. Неземное величие этой картины возрастало с каждой минутой. Лучезарные полосы быстро вращались по небосводу как спицы огромного колеса. Яркий красный сполох волной поднялся с севера и заливая все небо окрасил белоснежную землю пурпурным отражением. Следом неожиданно меняя его прокатился сполох оранжевого света, чем то напомнив отблеск грозовой молнии. Но громового раската не последовало. Все происходило в полной тишине, а все живое затаив дыхание боялось пошевелиться. Следовали вспышки красных, зеленых, голубых, желтых

цветов продолжая заливать землю этим божественным светом.

Неожиданно, каким-то образом эти неукротимые сполохи света самоорганизовались и разобравшись на цвета превратились в широкие полосы всех цветов солнечного спектра, образовав два огромных моста от края до края небосвода, будто соединив различные миры.

После распада мостов сияние достигло своего апогея и сверхъестественная красота стало понемногу растворяться пока не исчезла бесследно.

Краше и величественнее картину не дано представить самому изощренному уму, и при жизни человеку не дано видеть более величественного и красивейшего зрелища.

– Что это? – думал Павлуцкий. – Знамение божье? Но оно столь красиво, врятле может предвещать дурное, и столь величественно что даже стыдно связывать его с нашей возней на бренной земле.

Весь следующий день капитан был под впечатлением виденного, и он был не одинок. Неожиданно это ночное безобидное сияние вызвало небольшие осложнения.

Коряки и юкагиры были крайне взволнованы. Казалось привычное для них зрелище, на которое они по ее бесполезности ни обращают даже внимание, на этот раз не только впечатлило, но и привило всех в крайнее возбуждение. Они собираясь в группу что-то октивно обсуждали, разговаривали с шаманами непрерывно произнося слово – «Келет, Келет».

– Коряки боятся дальше идти, и собираются вернуться, – сообщил наконец один из толмачей, крещеный коряк Федька.

Видя, как наливаются злобой глаза капитана, он поспешно и как ему казалось убедительно, стал объяснять суть проблемы.

– Ночной свет, это злые духи Келет, что живут всюду, а эта пустынная земля их любимое место. Здесь сейчас все они собрались вместе. Чем ярче ночной свет тем больше Келет. Они заарканят наши души и унесут их на луну. Эта плохая смерть после нее человек попадает в нижний мир.

– Тебе от чего их бояться ты же крещеный, перекрестись и от Келетов тебя Господь охранит, – съязвил капитан. – Пускай ваши шаманы борются с Келетами.

– Шаманы сказали что Келетов много, и им их не одолеть. Можно принести жертву накормить и тогда духи станут добрыми, не тронут нас.

– Передай, что велю духов добре попотчевать, на то решаю взять из упряжек пару собак, что хилы или поранены. Да что бы быстро все сладили. Утром отправляемся далее, – немного повеселев, распорядился Павлуцкий.

Это как то решало проблему, и шаманы преступили тут же к таинству жертвоприношения, а русские превратились в зрителей, ввиду отсутствия других развлечений. Но оказалась, что жертвоприношение злым духам дело не вполне законное, проявление страха и слабости шаманов. Поэтому все

прошло быстро и тихо. Убиенных собак отвезли подальше от стойбища и оставили на скале освещенной молодым месяцем.

Дело было исполнено. На следующее утро к своему глубокому удовлетворению Павлуцкий вновь увидел высокий боевой дух союзников. Вскоре лагерь снялся и воинский караван, растянувшись на несколько верст, последовал далее.

5

Луораветлан по имени Холодный Ветер, хозяин стойбища оленных чукчей, после осенних торгов у побережья откочевал внутрь материка.

Позади кочевки в отрогах скал где растут деревья, а в расщелинах олень находит сочные травы, просторы тундры где под тонким настом изобилие ягеля, столь привлекательного для олений. Лишь тундровый заяц составляет здесь ему конкуренцию.

Теперь подчиняясь годовому циклу оленеводов тундры, вновь развернул стадо, и собрался следовал на север. До того как сойдет снег он должен достичь пастбищ что у побережья, там вблизи полярного моря проведет летний период. Здесь важеньки дадут приплод, здесь в дали от болотного гнуса отдохнет и окрепнет стадо. Так поступали его предки, так будут поступать его дети.

Холодный Ветер хорошо знает своих олений и родную

тундру. Верит в то что, он и окружающий мир одно целое, что у жизни нет начала и нет конца. Смерть лишь обрывает жизнь в текущем мире, а луораветлан не исчезает бесследно, он переходит из одного мира в другой. Это путешествие бесконечно, и от того как ты умрешь зависит куда ты попадешь после смерти в этом мире. Если праведной смертью то в верхние изобильные миры, если нет, то в нижние, где голод и болезни. Но миров много и везде есть верхние и нижние. И со смертями полная ясность. Погибнуть в бою, на охоте, любой принудительной смертью вплоть до самоубийства это гарантия попасть в верхний мир. А вот умереть по старости или по болезни это очень скверно.

Холодный Ветер свободный человек и сам себе хозяин, лишь духи, что живут повсюду, окружают его и непрестанно вмешиваются в его жизнь. Это надо помнить всегда и поддерживать с ними хорошие отношения.

Стадо у него большое, под тысячу голов. Богатый чукча. Три жены, пять взрослых сыновей, двое работников, из пленных коряк.

Весна все более дает о себе знать. Молодые быки скинули рога. Бросить рога в тундре нельзя, обидишь оленных духов и те лишат тебя стада. Приходится возить с собой до поры пока не станет это в тягость. Уже несколько саней груженных рогами скопилось. Самое время провести праздник рогов.

С утра за главным шатром развели небольшой огонь. На расчищенной от снега площадке сложили кучей олени рога

и прикрыли сухими сучьями. Возле костра выставили доску огниво, самую священную вещь в семье. Женщины и старики украсили сложенную кучу рогов и сучьев множеством охранителей. Вороньи головы, черепа мелких животных, камни символизирующие землю, деревянные изображение собак, женские фигурки мелкие обрезки шкур все эти семейные ценности теперь украшали кучу рогов. Все охранители мажутся салом, а нарезанные кусочки мяса и сала положили в ямку что выкопали рядом с кучей и закопали. Холодный ветер с сыновьями выйдя в открытую тундру разбросали кусочки мяса, тем самым принеся жертвоприношения всем направлениям света. Мелкие сучья взятые после жертвоприношения из кучи станут охранителями и присоединятся к семейной связке. Теперь духи сыты и довольны, а куча рогов останется в покое на этом месте.

Общение с духами занятие важное, но не веселое. Вот и решил хозяин стойбища устроить заодно и состязание по бегу. После зимы надо проверить сколь резвы олени, и проворны молодые воины.

Холодный Ветер уважаемый в тундре хозяин. Все соседние стойбища откликнулись на его приглашение и прислали на праздник своих лучших бегунов.

Чукчи сильный и здоровый народ. Вся их жизнь переполнена опасностями и не человеческими нагрузками. Физическая подготовка мужчин начинается с рождения. Мать убивает ребенка если он рождается больным и хилым. Отец с

легкостью убьет сына, если тот не проявит должной сноровки во время обучения воинскому искусству. Чукча не видит смысла растить ребенка если очевидны врожденные пороки. Проще отправить его в иные миры, может там повезет больше.

Особое внимание уделяет чукча умению бегать. Здесь им нет равных. Ведь бег лежит в основе управления оленьим стадом. Отгоняешь волков, перегоняешь стадо на новое место, ловишь арканом быков или важенок, преследуешь дикого оленя, все эти жизненно важные занятия связаны с бегом. Так что умение бегать не менее уважаемо в тундре чем мастерское владение борьбой или оружием. Даже в пургу, когда стадо забившись в укрытие пережидает непогоду, чукча не забывает о тренировках. Каждый день он покидает ярангу и бегаёт во круг нее до изнеможения, так что подчас родникам приходится втаскивать его обратно на руках.

Так что собрались на бега самые резвые и самые выносливые бегуны тундры.

Для начала и увеселения публика скачки на оленях. Оленьи упряжки парами убегают в тундру. Скорость и выносливость должны показать олени. Все что можно выжимает из них погонщик. Да помогут оленные духи и животное не падет, выдержит скачку. Но к финишу все приходят с разинутыми пастями и вываленными языками, а от мокрых заиндевевших боков валит пар.

Пока соревнуются упряжки, старики и молодежь готовят

площадку. Это будет круг в диаметре шагов сто. По окружности тщательно протаптывается и очищается от снега дорожка для бегунов. Участники бегут по кругу до тех пор, пока на ногах останется лишь один. Сбавлять темп и останавливаться нельзя. Таковы правила. Заслуживающие общего доверия старики будут считать количество кругов и объявят нового чемпиона.

Соревнование очень ответственное, ведь Холодный Ветер в качестве приза повесил на шест для общего обозрения боевые доспехи, искусно сделанные алеутами из китового уса и пластин вырезанных из бивней моржа. Это дорогая и редкая вещь. Самый знаменитый воин будет гордиться таким панцирем.

По обычаю все участники забега должны представиться хозяину праздника. Холодный Ветер вышел из передней яранги во всем воинском облачении. Он знаменитый воин и большое стадо заслуга его отваги и храбрости. Гордо разглядывая юношей, что решили показать себя на соревновании, он с удовольствием разглядел старшего сына. В случае победы быть ему главным наследником, а проиграет, Холодный Ветер выгонит его из стойбища.

Все было готово и тойон уже собирался подать сигнал начала соревнований, как его внимание привлекла оленья упряжка, что точкой обозначилась у горизонта и стала быстро приближаться к стойбищу. Скоро все чукчи, на время забыв о празднике, с живым интересом наблюдали за неждан-

ным гостем.

Погонщик – чукча, чуть привстав в санях, что-то кричал. Один из его олений не выдержав гонки и рухнул на скоку. Ловкий погонщик тут же отсек его постромки освободив сани от мертвого животного, а сам спрыгнув на землю пустился бегом обогнав упряжку. Скоро все ясно услышали:

– Тангы! Беда! Идут много тангы, – кричать бегущий чукча.

Тангы на чукотском означает чужие или враги. Коряки давно уже не отваживались ходить войной в земли чукчей, поэтому тангы могло означать только русских, ставших в последние годы смертельными врагами.

Здесь в тундре русские появились уже давно, бесцеремонно заявившись как хозяева. Тысячелетия луораветланы считали себя здесь хозяевами, и смириться с таким положением дел не желали. Они на столько были тверды в своем превосходстве истинных людей, что и мысли не допускали об обратном. Коряки, юкагиры, камчадалы не были их данниками. Приходя к ним войной луораветланы брали все силою оружия, и слова дань, ясак отсутствовали в их языке и были не понятны.

По началу отношения с русскими выглядели как торговля. Чукчи приносили красных лисиц, бивни моржей, а в замен получали железные иглы, медные котлы, разноцветный бисер. Но скоро выяснилось, что русские хотят получать с них ясак, то есть вести такую торговлю, когда чукча взамен

красных лисиц ничего не получал.

Вероломство русских до глубины оскорбило дикие души луораветланов, и те повели с ними священную войну. Войну не знающую пощады, войну на уничтожение, исключаящую всякий мир. Победа или смерть стали для чукоч не красным словом, а смыслом пребывания в этом мире. И они легко с ним расставались благодаря верованиям в другие миры. Такого дикого упорства бес малейшего компромисса русские не встречали ни в одном из сибирских народов.

Чукча, что так неожиданно появился и прервал церемонию праздника, при других обстоятельствах заслужил бы смерть. Это был одинокий воин, что по личным обстоятельствам покинул свой род, и сейчас искал прибежище в чужом стойбище. Имя ему было дано от рождения Кричащий, за его громкий голос. После его голос еще окреп, и он стал известным воином за то, что его боевой крик на поле боя был громче всех остальных. Наткнувшись в своих скитаниях на русский воинский караван Кричащий несколько дней следовал за ним стараясь определить их численность и понять намерения.

После им владело лишь желание предупредить родичей о грядущей опасности. Сейчас стоя перед тойоном по имени Холодный Ветер, и других чукоч он вел рассказ.

– Мое имя Кричащий, я родом из стойбища что кочует за рекой Белой к восходу солнца.

– Я слышал о тебе как о смелом воине, а сейчас вижу что

ты быстр как олень, — кивнул тойон. — Но почему ты один?

— У меня были плохие работники, и волки угнали стадо. Вот уже столько дней, — чукча поднял обе руки вверх растопырив пальцы, — я ищу своих олений. У черных камней встретил много русских бородатых тангы. На них одеты железные шапки и панцири, а в сонях лежат луки метаящие гром и огонь.

— Можешь ли ты сказать сколько их? — тревожно спросил Холодный Ветер.

Кричащий высыпал перед тойоном из кожаного мешка камни.

— Бородатых тангы, сколько камней, а каждый камень количество пальцев на руках, — гордо произнес чукча. — С ними коряки таким же числом.

— Врагов сильно много, — после томительных и бесплодных расчетов произнес тойон. — Я поведу своих людей на север к побережью, в землю тойона Кивающего Головой. Сейчас не время для праздников. А вы лучшие из лучших бегите в свои стойбища и передайте сильным людям, что идут тангы большим числом. Они хотят убить всех чукоч и забрать наших олений и женщин. Пускай все чукотские семьи кочуют к Полярному морю. Там будет сражение.

Тундра, этот сонный промороженный край, приходил в движение. Скоро не осталось ни одного стойбища куда не достигла весть о войне. Нарушая все вековые законы кочевой жизни, чукчи пошли к побережью. Их уверенность в по-

беде была велика. Не было причин сомневаться в собственной силе. Старики, коим уже доводилось в дальних походах сталкиваться с огневыми тангы, рассказывали молодым чукчам о страшном оружии бородатых железных воинов.

– Их луки мечут огненные стрелы на много шагов, и с легкостью пробивают куяки из кожи лахтака. Даже железные и костяные доспехи не дают спасения.

Но лишь смеялись над ними молодые воины.

– Тангы сами принесли головы, и костями будут белеть в тундре. Мы даже не будем стрелять в них из луков и колоть копьями. Нас много, переловим их как олений ременными чаутами. Трупы тангы будут поедать медведи, волки и лисицы, а огненные луки, железные одежды, ножи получим в добычу.

Все готовились к войне.

6

Тундра. Тоже время. Где-то между реками Большой и Малый Анюй Между тем, не ведая о последних событиях, небольшой отряд служилых казаков, волею Императрицы Анны Иоанновны по казенной потребности пересекал тундру. Их путь лежал на Анадырь из Нижне – Колымского острога.

Оба Анюя впадают в Колыму с правой стороны. Обе эти реки, от устья вверх, имеют направления прямо к Анадырю.

Если случись ехать с Калымы не знающему тракта, то ему стоит повернуть на тот или другой Анюй, и по ним вверх в аккурат попадешь на Анадырь.

Кроме срочной почты для капитана Павлуцкого, им, указом Сибирского губернатора, было предписано доставить в острог некоего ссыльного кандальника, уличенного в государственной измене. Срочность и секретность поручения была наивысшей. Вот и спешили казаки, изо всех сил погоняя собачьи упряжки.

Этим кандальником был наш старый знакомый, бывший поручик лейб-гвардии, красавец и возлюбленный цесаревны Елизаветы, Алексей Шубин. Ныне государственный преступник, следующий в пожизненную ссылку под новым именем Александра Шендеры в самый удаленный угол Российской империи.

Все что с ним приключилось за последний год, не укладывалось в голове. Любовь, арест, заключение, допросы, то были события полные красоты, и романтики. События достойные самого яркого пера итальянского романиста. Но потом все померкло, и происходящее стало калейдоскопом из черных и серых красок, непонятных, и пугающих.

Приговор – государственная измена, и пожизненная ссылка в Сибирь, прозвучал как выстрел. С того момента и началась эта бесконечная дорога в никуда.

Первой целью был Тобольск. Дорогой с ним ни кто не разговаривал, на то был особый указ Императрицы. Закованный

в кандалы, лежа в санях, Алексей все выглядывал из под овчины, и смотрел в след убегающим верстам надеясь увидеть верхового курьера, что доставит указ о помиловании. Но чуда не случилось. Изменчивая фортуна отвернулась на этот раз. Видимо увлеклась другим баловнем судьбы.

В Тобольске все его чурались как прокаженного, а губернатор даже не соизволил принять прошение и лишь указал следующий пункт назначения, Якутск.

— Где то я раньше слышал про этот острог? — подумалось тогда Шубину.

За Тобольском сибирская вольница дала знать о себе. Алексея расковали за ненужностью. И то право куда бежать, а в кандалах спрос великий? Да и хлопот с арестантом поменее будет.

Версты продолжали бежать бесконечной чередой. Редкие остроги, зимовья, ямщицкие ямы, не оставляли в памяти и следа. Все более сумрак охватывал сознание. И будто вторя ему, зимние ночи становились все длиннее и длиннее, пока не захватили все временное пространство.

Жизнь Алексея и полярная ночь стали едины. Он даже дивился, когда рядом протекало подобие жизни, и слышался смех. Казалось что все растворяется в этой необозримой и бесконечной дали. Просторные избы превратились в мелкие полуземлянки, русские сани, запряженные тройкой коней, в небольшие нарты с оленьей или собачьей упряжкой.

Когда от Якутского воеводы он услышал про Анадырский

острог, то уже не дивился. Его жизнь превратилось в непрерывную дорогу, начало которой отмечено яркими красками в его памяти, а вся последующая жизнь лишь унылая, бесконечная своей безнадежностью дорога, покрытая мраком ночи.

Он даже слегка подивился, когда солнце неожиданно выглянула из-за горизонта, осветив ледяную пустыню, что растилалась кругом до края. Весело заискрились крупные хрусталики снега. То был первый признак начала годового цикла жизни. Но Алексей не чувствовал себя ее участником, что нельзя сказать о его спутниках.

– Ныне лето на Анадыре проведем! – мечтательно произнес молодой казак Прошка. – Говорят там сытно живут?

– Худо не скажешь! Окромя охоты и рыбалки огороды держат. Квашенная капуста, и каша тыквенная завсегда имеется.

– А морковь и свеклу растут?

– Растят! Растят! И борщ варят! – засмеялся десятник. – Только с огородов вонько, спасу нет! Тамошние крестьяне приспособились рыбу лежалую на поля вывозить вместо навоза. Говорят, что шибко в росте помогает.

– А пошто в тундре так пусто? – не унимался Прошка. – Уж как две седмицы в пути, а живой души не видели.

– Капитан Павлуцкий ныне в тундре балует, баталии устраивает. Наш приказчик осторожный сообщил по секрету, что грозился капитан всех чукок под корень вывести. И то

право! Зловредный народец!

От безделья Шубин прислушивался к разговору. Казаки не торопясь готовились к ночевке. Скоро будет сытная еда и отдых. По здешним обычаям едят один раз в день. Промнешься до вечера, и так проберет голод, что любой кусок сладким покажется.

Но его более заинтересовал голос десятника, особенно речь и манера гуторить. Он уже слышал подобный говор в точности. В памяти всплыл Санкт-Петербург 1725 года, Зимний дворец, умирающий император, и якутский казак.

– А вы не слыхали про Афанасия Шестакова? В Якутске служил казачьим головой!

Его вопрос и само участие в разговоре было настолько неожиданным, что все замолчали.

– Чего спрашиваешь? Аль родственник? – осторожно уточнил десятник.

– Хотя ты из бар будешь, а он из простых казаков. Царство небесное Афанасию! Уже два года как сгинул казак от стрелы чукочьей. На Анадырском погосте ныне лежит, и то ладно, что по православной вере схоронили. Сколь казаков по тундре костями лежат? Одному богу ведомо! – вздохнул десятник.

Этой ночью на них напали чукочи. Сходу накинули чаут на верхушки жердей, завалили шатер на бок и покололи казаков копьями. Оставили в живых лишь бывшего поручика лейб-гвардии. Видимо не подоспело его время, не все про-

чувствовал его благородие. Чукчи были родниками тойона Кивающий головой. Отныне Шубин стал его пленником, и пока только духи тундры ведали о его дальнейшей судьбе.

7

Отряды Анадырской партии и союзные коряки вот уже второй месяц как двигаются в сторону северного побережья. Чукотские орды в страхе бегут от русского воинства, оставляя порой яранги, груды оленьих рогов и вытоптанные пастбища. Поначалу редкие следы небольших чукотских семей, что тщательно изучались коряжскими проводниками, теперь пестрили проталинами по всей тундре. Чукотская орда с многотысячными стадами олений, следовала впереди русских, которым доставались лишь вытоптанные пустые пастбища.

Ослабевших животных приходилось забивать беспрестанно, оставляя большую часть туши на съедение волкам и песцам тундры. Звери стаями следовали за отрядом, нарушая тишину воем и лаем. Часть коряков под покровом ночи бежали спасая своих олений. Многие солдаты и казаки теперь шли пешком, неся на себе грузы.

Все это не предвещало хорошего. Лишь благодаря жесткому характеру, Павлуцкий удерживал дисциплину на должном уровне. Но отсутствие опыта войны в этих условиях, губительно влияло на ход компании. О таких расстояниях

и длительности похода капитану не виделось даже в самом кошмарном сне.

Шел к концу май 1731 года. Кругом простиралась кочковатая, мокрая болотная земля. Даже приготовление пищи становилось проблемой, так как растительностью были лишь мелкие кусты вышиной от земли не больше четверти. Жгли что могли, будь то растущий на кочках мох или те мелкие прутики. Скоро сани пришли в негодность за не надобностью. Попытка бросить их чуть не окончилась столкновениями русских с коряками. Пришлось сани взгромоздить на олений, а часть груза переложить на плечи солдат.

Между тем в тундре происходили удивительные вещи. Шел процесс самоорганизации диких чукотских орд в военное ополчение. Без всякой связи и предварительной договоренности. Эти орды подчиняясь инстинкту самосохранения двигались на соединение друг с другом. Они накапливали силу как тетива на растягиваемом луке копит энергию, что бы в определенный момент нанести смертельный удар. Распри исчезают само собой, даже главный тойон всего ополчения выбирается без всяких проблем и проволочек.

Это можно сравнить лишь с самоорганизацией дикой стаи. К примеру волчьей, которая собралась на большую охоту, где каждый знает свое место и задачу, а вожак стаи выбирается чутьем без всякой драки за первенство. Но лишь закончится охота все сразу разбегаются без всяких последствий и ответственности за содеянное.

Русские отряды спешили. Продолжая двигаться на северо-восток, миновали реку Белая. Весеннее тепло наступало. Если вскроются реки, то Анадырскому отряду придется остановиться. Ледоход и высокие талые воды рек станут неодолимы.

В первых числах июня русские вышли к побережью и двинулись на восток к Чукотскому Носу, где по всем данным собрались главные силы чукчей. Однообразный и тяжелый путь в тысячу верст измучил всех. Зимняя одежда становилась в тягость, обувь приходила в негодность. Особенно угнетало то, что продолжали удаляться от острога. Вести в Анадырь не уходили. Ни одна живая душа не ведало о месте положения Анадырской партии. Все ждали развязки этого бесконечного и бестолкового скитания.

После таяния снега необходимость в коряках значительно снизилось. Их бестолковая суета, неуправляемость раздражали Павлуцкого до крайности. Единственно на что они были годны и полезны так это сопровождение оленьего стада, что изрядно уменьшилось за дорогу. Бегства коряков теперь не опасались. Сильно далеко зашли в земли чукчей и те не позволят уйти безнаказанно. Русские для них единственное спасение.

Множество мелких речушек, что несли в море талые воды тундры, преграждали дорогу с утомительным постоянством. Ледяные торосы еще крепко держались за прибрежные камни, а полярное море дышало и двигало льды, непрерывно

образуя прямые как стрелы каналы и просторные лагуны открытой воды.

В авангарде русских шла рота гренадеров под командой подпрапорщика Маркова. Сия рода была сформирована Павлуцким еще в Якутском остроге, из числа детей боярских, и солдат гарнизона. Обучением занимались четверо гренадеров, приданных экспедиции в Санкт-Петербурге постановлением сената. И хоть налобных металлических блях и обмундирования не имели, но вооружены были в соответствии с Петровским воинским уставом, и с гордостью прозывались гренадерами.

– Капитан! Впереди река! – доложил подпрапорщик.

– Что за река? – спросил капитан, вызвав раздражение у Маркова.

– Можете отписать в журнале под названием Неведомая. Сами знаете, что никаких карт и компасов не имеется, ориентируемся по солнцу и звездам.

Путь преграждала довольно большая и полноводная река. Пройдет месяц и от нее останется лишь скромный ручей, но сейчас ее холодные воды были серьезным препятствием.

Не желая лезть в воду, и не видя других решений Павлуцкий остановился на дневку. Весь этот день капитан инспектировал свое воинство. Гренадеры его порадовали. Некоторые солдаты, были с ним с первых дней деятельности Анадырской экспедиции.

Кстати будет сказано. Название гренадеров пошло от сло-

ва гренада. Так называли ручные гранаты, что были на вооружении этого вида пехоты. Кроме того они имели новейшие фузеи с трехгранными штыками и длинные палаши весьма удобные для рукопашного боя.

Служилых казаков, под командой сотника Шипицына, Павлуцкий недолюбливал. Те не признавали воинского устава, и попросту смеялись над строевой дисциплиной и боевым построением. Вели себя в бою по старинке, не многим лучше, диких инородцев. Хотя отваги и умения биться, им не занимать, а отношение к оружию весьма бережное. Не зря утверждают шутники, что сабля для казака – вторая женка.

Всю ночь завывал северный ветер. Пронизывающий, дышащий зимней стужей, он согнал лед к берегу, вновь заточив открытые участки воды в ледяной панцирь.

Утром, к всеобщей радости, волею проведения, для русского воинства была создана ледяная дорога. Лишь полынья и наледь от теплой талой воды, что образовались в устье Неведомой реки, заставили русское воинство сделать небольшой круг от берега.

Все были крайне возбуждены неожиданной удачей, а когда приблизились к берегу, то увидели своих врагов. Чукчи стояли на возвышенностях, плотными группами вдоль берега. Сколько их сказать было трудно, но то что их было много больше очевидно.

Русские на льду, чукчи на берегу какое-то время молча наблюдали друг за другом. Быстро бежали краткие минуты

этой предсмертной тишины. Воздух насыщался напряжением, неукротимой ненавистью и жадой сражения. Капитан Павлуцкий почувствовал, как по напрягшимся мышцам забурлила кровь, а тело будто завибрировало в ожидании команды. За это краткое время глаза и разум охватили все.

Чукчи стояли тремя группами по несколько сотен человек в каждой, и не в качестве случайных зрителей. Они тщательно выбрали место для сражения, были готовы к нему, и даже предвидели череду событий. Дикари оказались хитрее русских, и тактическое преимущество было на их стороне.

Судя по разнообразию вооружения, здесь собрались представители многих чукотских родов, с разных уголков тундры и полярного побережья. Даже доспехи, что были у каждого воина, отличались удивительным разнообразием. Одни сшиты из моржовых шкур, и кольцами опускались до колен, другие набраны из пластин китового уса, и рыбьего зуба, тщательно скрепленных между собой. Но более удивляли щиты-крылья. Если центральная часть защищала затылок головы и спину, то подвижные, боковые управлялись ремнями и могли по необходимости закрывать бока воина. Сделанные из дерева и обшитые кожей морских животных они представляли неплохую защиту даже от пуль, выпущенных с расстояния более ста шагов.

Минутное оцепенение сменилось всеобщей активностью. – Боевое построение! Готов-с! Пли! В Атаку! – кричал что есть мочи капитан драгунского полка Дмитрий Павлуцкий.

Гренадеры в точности выполняя команды капитана, сделали залп, пристегнули штыки и с гранатами в руках устремились на противника. Казаки следом за ними прыгали на берег, стреляя на ходу, некоторые проваливались в воду и мокрые догоняли товарищей.

Чукчи, пугая врагов звериным ревом, атаковали русских. Их воины были удивительно резвы, несмотря на неудобство вооружения. Прыгая через камни, они высоко взлетали вверх, а крылья щитов придавали подобие птицам.

Дружный залп русских прервал эту стремительную атаку. Передние ряды срезанные горячим свинцом пали наземь бездыханно. Последующие на мгновение остановились изумленные внезапной гибелью товарищей. Но то было начало их избиения. Когда среди них начали рваться ручные гранаты этому изумлению не было границ. Оторванные руки, ноги летели в разные стороны, искалеченные тела десятками падали на каменистый берег холодного моря. Затем последовала штыковая и сабельная атака. Подчиняясь инстинкту самосохранения чукчи откатились назад.

Кивающий Головой, Холодный Ветер, Кричащий будучи тойонами в этой битве не верили своим глазам. После длительного и оживленного обсуждения, они вновь собрали своих воинов и повели на врагов.

На это раз капитан встретил их убийственным огнем из пушек, которые удалось притащить на позицию и изготовить к стрельбе во время замешательства.

Пушечная картечь оказалась убийственной гранат. Это были уже горы трупов. Лишь небольшой группе воинов вооруженных копьями удалось достигнуть казаков. Не смотря на превосходное умение фехтовать копьем, их костяные наконечники не смогли нанести особого урона закованным в железо русским казакам. Эти чукчи были изрублены саблями и приняли почетную смерть. После, нескольких попыток атаковать, чукчи кинулись на утек.

– Тангы призвали против нас злых духов! – крикнул Кивающий Головой и то же устремился прочь с поля боя.

– Виктория! Виктория! – кричали гренадеры и казаки.

– Виктория! – кричал Павлуцкий.

Коряки, что уклонились от главного сражения теперь были по всюду. Одни добивали раненых, другие собирали и стогнали в кучу стада олений, что еще недавно принадлежали поверженному противнику.

Павлуцкий, в сопровождении офицеров, как и подобает военачальнику обходил поле боя.

Чукчи потеряли в этом сражении более пятисот лучших своих бойцов. В качестве трофеев русские захватили стадо олений, в несколько тысяч голов, да пожитки убиенных чукоч. С русской стороны во время рукопашной схватки погиб пятидесятник и два его казака. Семьдесят человек получили ранения.

– Обратите внимание на нравы этих дикарей! – молвил сотник Шипицын, указывая на трупы обнаруженные в лагере

чукчей.

Десятки женщин и детей, не успевших бежать с мужьями лежали мертвые.

– Кто их? – тихо спросил капитан, хотя и догадывался.

– Не захотели сдаваться в плен. Сами удушили детей, а себя закололи.

– От чего же? Мы с женщинами и детьми не воюем, – буркнул Павлуцкий.

– Дикие люди господин капитан! Это у них обычное дело!

На месте битвы Павлуцкий простоял несколько дней, но приклоненных тойонов, просящих о мире так и не дождался.

Пленных было немного, и те в первую же ночь удавились ремнями. Из удавки успели вытащить лишь одного. Теперь он стоял перед капитаном Павлуцким, а тот с интересом разглядывал пленника.

Перед ним стоял молодой воин чукча. Среднего роста, широкие плечи. Его медленные движения сейчас не сочетались с той стремительностью и импульсивностью что видели вчера во время боя.

Черные прямые волосы были обрезаны на русский манер, а вески бриты. Видимо в уходе за лицом нож не последний инструмент. Брови сходились на переносице, предавая лицу излишнюю свирепость. Глаза широкие но сильно прищурены, отчего морщины на обветренном лице медно-красного цвета, становились характерными чертами лица. Приоткрытый, слегка оскаленный рот, оголял крепкие, крупные зубы.

Легко можно было представить как они дробят кости, да и казаки рассказывают, что во время боя оскаленных зубов приходится опасаться не менее чукотского ножа или копья.

В своем большинстве чукотских мужчины молоды, до старости доживают единицы, уж больно много в их жизни опасностей, ставших для них привычными.

Пленник уже лишился боевой амуниции и был одет в легкую короткую кухлянку из оленьей кожи, летние штаны и торбасы из прокопченной на огне кожи — дымлины, с подошвой из лахтача.

Его вид произвел хорошее впечатление на Павлуцкого. Ему как офицеру было лестно иметь столь опасного и сильного врага, имеющего весьма грозную репутацию по всей тундре, прибрежным островам, и даже у заморских алеутов. Его вид можно назвать даже опрятным, если бы не явное наличие вшей и резкий специфический запах. Он напомнил капитану запах медвежьей берлоги, что как то довелось ощутить во время охоты.

Но тут они были обоюдны. Чукча как вошел в походный шатер Павлуцкого тоже стал фыркать и крутить носом. Было явно что русский дух его крайне раздражал.

В качестве толмача был крещеный юкагир, что неплохо справлялся с обязанностями и не вызывал раздражение у чукчи. Несмотря на положение пленника и связанные руки он вел себя крайне независимо. Страха не испытывал вовсе, а разговаривал ввиду неудержимого природного любопыт-

ства.

– Кто ты и чьих будешь? – полюбопытствовал капитан.

Но чукча пропустил вопрос мимо ушей видимо не желая отвечать на него.

– Я узнал тебя тангы! Ты большой русский шаман! Ты трус! Русские испугались честно биться с моим народом, и ты призвал на помощь злых духов. Они убили наших воинов и забрали их души!

– Почему ты не отвечаешь на мой вопрос? Кто ты?

– Ты хитрый! Если злые духи узнают мое имя, то охранителям трудно будет уберечь мою душу. Но чукча обманет тебя и все равно уйдет верхний мир.

– Теперь у вас нет воинов! Их трупы съедят волки, – решил пойти на провокацию Павлуцкий, видя наивность дикоря.

– Чукчи истинные люди. Наши женщины умеют рожать сильных мужчин. У нас воинов, как звезд на небе. Когда будет большая луна, шаманы соберутся вместе и прогонят злых духов, и тогда снова будет война.

– Многие чукотские воины вышли на битву с одними арканами. У вас что, нет копий и луков?

Павлуцкому хотелось разозлить чукчу, но тот оскалился смеясь и ответил, чем весьма озадачил капитана.

– Оленные чукчи которых привел Холодный ветер, сильно хвастливы. Они грозились переловить всех арканами, как оленей, и сделать рабами.

– Я захватил стада оленей, и теперь чукчи умрут с голоду!
– опять схитрил капитан.

– Наши братья добыли кита, мяса и жира хватит всем. Чукча будет сыт и селен, он победит русских тангы и заберет оленей.

– Дикий и наивный народ, – подумал Павлуцкий, когда увели пленника.

– Они рядом, у побережья, а после полнолуния будут готовы нас атаковать. Что же господа дикари! Баталии продолжаются! Я снова иду к вам! – Подбадривая себя, произнес Павлуцкий.

После небольшого отдыха, приведя в порядок русское воинство, Анадырская партия продолжило свое движение на восток вдоль побережья Чукотского моря.

8

Тоже время. Возле поселка береговых луораветланов, где сильнейшим человеком Кивающий Головой, опять многолюдно, но уже не по поводу торгов или праздников. Многие кочевья пришли сюда спасаясь от тангы. Две, а может и три тысячи чукоч воинов собрались в ополчение против русских.

Сейчас по всем кочевьям и поселкам побережья, в каждой яранге звучит бубен. В шаманах у чукчей полный достаток. В каждом семейном шатре имеется свой шаман, и теперь они

бьют в бубны и поют песни напоминающие вой зверей тундры. Этим они призывают духов помощников, чтобы вместе справиться со злыми духами.

Старшие шаманы сказали, что злые духи убийцы пришли со стороны заката из земли принадлежащей Солнечно-му Владыке. Русские тангы показали им дорогу. Теперь духи невидимо витают в пространстве и охотятся за человеческими душами и телами.

Духи помощники слабы, как и сам шаман, лишь собравшись вместе, они смогут победить зло и оградить луораветланов от гибели.

Но желательно злых духов не прогнать, а натравить на самих тангы. Для этого нужен злобный шаман. Он начинает заклинания во внешнем шатре яранги, и злые духи через дымовое отверстие скапливаются у костра. После того как духи проникли в тело злобного шамана он чтобы придать своему заклинанию особую силу, раздевается донага и на четвереньках выползает из шатра ночью при свете полной луны.

– О луна! – говорит он. – Я показываю тебе тайные части своего тела, и не имею от тебя тайн. Прояви сожаление к моим гневным помышлениям. Железом одетые, страшные огнивные тангы пришли в наши земли. Чукчи бегут из внутренней страны к морю, но тангы следуют сзади и истребляют. Когда ловят то худо убивают. Мужчин разрубают, а женщин раскалывают как рыбу для сушения. Напусти на тангы злых духов, пускай они несут русским голод и смерть, болезни и

всякую проказу. Пусть их женщины умирают молодыми и не рожают огнивых воинов. Сколь велик мой гнев, столь велик твой гнев. Истреби их еще до наступления прохладного времени. Народ луораветланов почитает духов, и всегда будет угощать их свежей теплой кровью.

В завершение шаман принес в жертву молодого белого оленя. Получив жертвенным ножом удар в сердце, олень без конвульсий упал на левый бок. Это был хороший знак, и все присутствующие чукчи взвыли от восторга.

Тойон Кивающий Головой, как и подобает сильнейшему человеку большого приморского поселка, пригласил знаменитого на всем побережье шамана по имени Уходящий в Землю.

Это был настоящий колдун, которого чукчи боялись и уважали. Он выделялся тем, что среди его помощников были два духа медведя. Ни так давно во время охоты он увидел двух дерущихся белых медведей. Молодые самцы были так голодны, что не хотели уступать друг другу мертвого тюленя. Когда они были окончательно измучены борьбой, Уходящий в Землю добил острой, рассек грудь и забрал их души. Это видели несколько чукоч, что были с ним на охоте. С тех пор у него ни стало времени для охоты. Шаман, имеющий власть над духами двух белых медведей в большом почете.

Шаманские действия проходили во внутреннем полугеоранги, где все участники расселись кругом, заполнив почти все пространство и без того тесного помещения. Было

очень жарко. Шаман и все желающие сбросил с себя кухлянку оставшись голым по пояс. Кивающий Головой сидел рядом с шаманом положив руку тому на голову. Так требовал обряд Уходящего в Землю.

Загасили пламя в жировике, и наступила тьма, к которой ни один человеческий глаз не способен привыкнуть. Зазвучал бубен шамана, и его пение. Человеческой речи не было, слушались лишь звуки тундры. То завывание ветра и скрип снега под полозьями, то волчий вой или призывный рев самца. Звуков было много, они разнообразные и до боли узнаваемы каждым присутствующим.

Неожиданно голос поющего изменился на грубый, и стали различимы слова шамана. В углу за спинами присутствующих послышалась возня и сопение, а затем легкое рычание. Аналогичные звуки тотчас послышались с другой стороны. Это духи медведей по зову шамана проникли во внутренний полог через тело хозяина. Бестелесные духи перемещались по всему пространству, недовольно фыркая из-за непривычных запахов и обстановки. Все это время непрерывно и монотонно звучал бубен, успокаивая присутствующих. Началось таинство общения с духами. Шаман говорил рычащим голосом, будто сам становился медведем.

– О духи Умкхэ! Я Уходящий в Землю вызвал вас, что бы пригласить на охоту. Передайте злым духам убийцам, что луораветланы уважают их и чтят, а русские тангы обречены гневу. Они не кормят духов и смеются над ними. О духи

Умкхэ! Заклиная вас встать на пути тангы. Напустите на них порчу и болезни, голод и смерть. Обреченные гневу должны уйти из земель луораветланов. Теперь следуйте за мной. Я покажу дорогу.

Послышался рык медведей, будто одобрявший слова, возня и шаги. Непрерывно продолжал звучать бубен. Все это время рука тойона лежала на темени шамана. Неожиданно он почувствовал, что тот стал уходить в низ. Рука непрерывно чувствующая выбритую макушку шамана опускалась вниз до того момента когда ощутила прикосновение к шкурам, застилающим пол. Шаман исчез.

По зову тойона вновь запалили огонь в каменной чаше жирника. Пламя осветила удивленные лица чукчей сидящих кругом. Шамана не было. На его месте оставалась лишь брошенная одежда и бубен. Он был знаменитый мастер своего дела, и без труда уходил через землю из внутреннего полога яранги. Этой процедуре мешала лишь одежда, которая доставляла неудобство, и приходилось бросать каждый раз.

Вскоре он и сам объявился. Да и то право хоть и лето, но здесь на севере голышом, с духами, по ночи прохладно бегать.

Утро 30 июня 1731 года. Погода стояла ясная. Реки все вскрылись. На море лед тоже пришел в движение. Бесчис-

ленные болота и озера чукотской тундры наполнились водой, доставляя великую радость бесчисленным пернатым, а отрядом Анадырской партии большие неудобства. Непрерывные обходы, переправы, броды крайне утомляли людей. Единственно, что всех радовало, это изобилие пищи. Помимо приевшейся оленины тебе и дичь и рыба в достатке и разнообразии.

Полярный день в своем пике. Солнце, соскучившись по этим унылым местам, желая скрасить и оживить их, почти сутки висит над горизонтом, и лишь слегка коснувшись его линии символично обозначает начало следующего дня. Благодаря ее старанию и усидчивости, к всеобщему удивлению, волшебные лучи успевают отогреть верхний слой вечной мерзлоты и дать источник жизни. Разнообразные краски заполняют пространство бесчисленные живые организмы не таясь приходят в движение, и тундра хоть и на короткое время становится Граалем жизни.

Только людям до этого нет дела. Они собрались здесь, чтобы убивать, то есть совершить обратное действие, и причины тому жадность, стяжательство и гордыня.

Первое сражение для капитана Павлуцкого не прошло даром. Враг был не прост, как казалось ранее. В этой войне инициатива будет всегда за чукчами. Русские могут бродить вечно по этой богом забытой земле и не встретить врага. Чукчи решали, где и когда быть битве. Но что они могли сделать своими костяными наконечниками и арканами,

пусть даже в умелых руках, против ружей, грант и пушек. Как это ни странно, но этого чукчи не понимали, не хотели понять и никогда ни поймут. В их сознании и психологии что-то отсутствовало. Луораветланы свою исключительность не ставили под сомнение.

Отряды продолжали движение вдоль побережья ожидая столкновения с чукчами. Павлуцкий двигался в центре каравана, с обозом. Носилки с ранеными, поклажа, припасы, сани, прочее, все это правдами и неправдами было погружено на олений, и те беспрекословно тянули свою лямку. Отсюда ему хорошо просматривалась вся колонна.

Командиры и передовые отряды следовали верхом на крупных оленях, что считались тунгусского происхождения. В голове колонны по прежнему егеря подпрапорщика Маркова, а впереди них небольшой отряд разведчиков коряков, что бегали с такой проворностью, что бес труда опережали верховых. Замыкал колонну отряд пеших казаков сотника Шипицына.

На это раз чукчи атаковали внезапно. Выскочив из засады их воины вооруженные копьями бросились на головные отряды русских. Одновременно был атакован и хвост колонны. Чукчи устремились на русских со всей свойственной им поспешностью.

Воины что были вооружены луками, непрерывно пускали тучи стрел. Но по жизни чукчи неважные стрелки. При охоте на морского зверя или дикого оленя редкие охотники ис-

пользуют лук. У тех больше острога, да копьё в ходу. Но если стрела найдет свою цель, то рана будет тяжелой. Костяной наконечник способен пробить кожаные одежды, и будь хоть царапина, яды что готовят чукотские шаманы будут весьма опасны.

Судя по обилию летящих стрел и количеству атакующих, к русским на это раз подступило несколько тысяч чукоч. Многие воины были явно в состоянии эффекта. Они устрашающе рычали, скалили зубы, кусая рукава собственной одежды.

Приблизиться, разделить и окружить русских, а затем навязать рукопашный бой и тем сравнять шансы на победу. Такова была на этот раз тактика тойона Кивающего Головой.

Шаман, что проводил обряд чревовещания, удивил тойона изрядно. Многих повидал Кивающий головой, да и сам в шаманстве был не последним. Но искусство этого, особенно трюк с исчезновением, удивил его. Десять больших пластин китового уса были достойной платой Уходящему в Землю. При расставании шаман оставил ему целую бадью урины, что собрал у мухоморных людей.

– Выпитый черпак урины придаст воину удивительную легкость и силу. Он будет быстр как олень, силен как умкхе, а прыгать будто летящая птица, – сказал он на прощание.

Все способы хороши! Не побрезговал тойон и этим, опол своих воинов уриной. Вон они сейчас атакуют русских с перекошенными от злобы лицами.

Всю опасность этой тактики, что чукчи применили со всем ожесточением, капитан осознавал в полную меру. Он даже предвидел ее, когда разглядел в чукчах весьма разумных и опытных воинов. А их тойоны имели большой опыт войны с коряками и юкагирами.

Своего главного противника Павлуцкий сразу рассмотрел среди атакующих. Кивающий Головой командовал чукотским ополчением, и по привычке непрестанно кивая, отдавал приказы.

Первым делом, по команде капитана, казаки, что были в обозе, принялись поспешно возводить крепь. В ход пошли сани, шкуры и камни. Скоро русское воинство могло укрыться за оградой из поставленных вертикально саней, закрытых шкурами, укрепленных грудой камней и ремнями.

Пушки установленные между саями открыли прицельный огонь. Все раненные, взяв ружья, тоже присоединились к защитникам. Не растеряли еще русские за время сибирского благополучия, ту удивительную крепость духа, свойственную их отцам и дедам, первопроходцам этого сурового края.

Тем временем отражая непрерывные атаки чукчей егеря подпрапорщика Маркова и казаки сотника Шипицына боясь окружения и гибели, тоже отступить за крепь. Только что растянутая колонна русских, напоминающая ползущую змею, при виде опасности собралась в клубок и изготавилась к смертельному удару.

Фактор неожиданности был утерян. Добыча казавшаяся

так близкой и доступной ускользнула. Теперь она превратилась в охотника безжалостно расстреливая из за укрытия неразумных дикарей.

Сейчас бы чукотскому тойону остановить воинство увести людей живыми до следующего случая. Но этого быть не могло. Он как луораветлан не должен добровольно уйти живым и побежденным. Только груды погибших родников будут оправданием для бегства.

Таковы суровые неписанные законы луораветланов. И русские, дивясь на упорство чукчей с каким они бежали на верную смерть обрушили на них всю мощь своего оружия. Пушечная картечь, свинцовые пули рвали тела атакующих безумцев бес счета. Даже Павлуцкому и его офицерам стало не по себе.

– Господин капитан! Почему они не уходят! – не выдержал первым Марков.

– У этих дикарей отсутствует чувство самосохранения! Если мы хотим здесь остаться, то придется их всех уничтожить! – ответил жестко Павлуцкий.

Маркову показалась, что капитан действительно так думает, но природная человечность взяла верх.

– Господин капитан! В арсенале имеются фейерверочный ракеты! Разрешите мне их опробовать в действии. Хотя бы не для убийства, но для страха, понеже никогда чукочи того не видели. Испугаются, да может утекут?

– Откуда же у нас такое чудо? – удивился Павлуцкий.

– Так рассказывают будучи в Санкт-Петербурге, казачий голова Шестаков из любопытству приобрел! В молодые годы, при Петре Великом, мне, доводилось ладить и запускать фейерверочные ракеты. Так что не сомневайтесь.

– Только смотри у меня, своих не покалечь! Может чего доброго и выйдет, – согласился капитан.

Солнце уже обошло дерущихся кругом, и чуть склонилось к горизонту, но чукчи продолжали атаковать с неослабевающим упорством.

Воспользовавшись небольшой передышкой, Марков выполз из-за укрытия, и с помощью одного из бывалых гренадеров установил несколько земляных ракет.

Все произошло как нельзя лучше. Во время очередной атаки перед чукчами, неожиданно встали столбы искр. Взлетая вверх и рассыпаясь веером, ярко искрящиеся огни засыпали нападающих воинов. Искры падали на одежду, лицо, шею обжигая и жала не хуже диких пчел.

Такого зрелища разум дикарей перенести был не в состоянии. В ужасе побросав копья они кинулись на утек, не помышляя более о победе.

– Виктория! – заорал Марков и пустил в след чукчам верховую ракету.

Во втором сражении русские не потеряли ни одного человека, а погибшие чукотские воины застилали всю округу. Бессчета было видно, что убитых много больше, чем в предыдущем сражении.

Но и на этот раз капитан Павлуцкий не дождался капитуляции противника, и склоненных голов их тойонов.

Право, он в этот момент глубоко жалел, что согласился на просьбу подпрапорщика Маркова, и превратил свою победу в пустую утеху тщеславия, да и то сомнительного свойства.

Две недели преследовал Павлуцкий уходящего противника. Луораветланы, растворяясь в тундре, уходили к Чукотскому носу. Здесь 14 июля 1731 года у мыса Сердце-Камень, севернее Анадырского залива он нагнал оленных чукчей, где тойоном был Холодный Ветер.

Сердце капитана защемило от радости, когда к нему явился тойон в сопровождении сильнейших людей. Это был знак покорности. Опустив голову, явно сдерживая гордыню, сквозь зубы Холодный Ветер произнес:

– Против тангы бились чукчи с обеих морь, и всей тундры. Русские дважды разбили непобедимых ранее чукоch. Их оружие извергающее пламя уничтожило лучших наших воинов. Жены убили себя и детей, чтобы уйти вслед за своими мужчинами. У нас более нет сил сражаться. Завтра, когда солнце начнет свой ход с моря, мы придем к тебе, уплатим ясак и дадим шерть в покорности твоему Солнечному государю.

– Это будет мудрое решение. Наша государыня Императрица Анна Иоанновна назначит тебя самым главным тойоном над всем чукотским народом. Она велела мне тех, кто придет под ее государеву руку, любить и защищать от врагов. Преподнести в дар эти медные котлы, иглы и табак. По-

сле замирения и уплаты ясака сюда придут русские купцы и привезут для чукчей много разного товара.

Выслушав переводчика, после долгого молчания Холодный Ветер неожиданно заявил.

– Холодный Ветер слышал, что в прошлые годы белый царь был мужчина, а теперь стал женщиной?

Павлуцкого этот вопрос застал врасплох. Он и сам толком не мог разобраться в нынешних законах престолонаследия, а тут попробуй объясни дикарю. Но тот рассудил все по-своему, оставшись весьма довольным.

– У чукчей такое случается, когда юноша получает призыв стать шаманом. Мягкий женоподобный мужчина меняет по приказу келетов свою жизнь и становится женщиной шаманом. Иногда чукча чтобы обмануть болезнь отращивает волосы, и тоже становится женщиной. Это хорошо, что у чукчей и русских есть схожие обычаи.

На следующий день, по случаю дачи шерти, капитан Павлуцкий облачился в парадную форму драгунского офицера. Того требовал случай, ведь это и есть цель всей Анадырской партии. Но к обеду никто не явился.

Нетерпение одолевало капитана, более ждать не было мочи. Подняв три десятка казаков, он выступил навстречу чукчам.

– Капитан поступил крайне неосмотрительно! – заметил Марков после его ухода. – Это вполне может оказаться засадой.

– Берите подпрапорщик своих гренадеров и ступайте следом. Береженого, бог бережет! – распорядился сотник, что остался за старшего.

Капитан погонял своего оленя. Служилые, ели поспевая за командиром, следовали пешим порядком. Казаки недовольно галдели, все более вызывая раздражение у капитана. Но примирение произошло мгновенно, когда из-за камней поднялись чукотские воины и кинулись на небольшой отряд русских.

Враг напал со всех сторон. Казаки даже не успели изготавиться к стрельбе из фузей, лишь несколько ручниц метнули свои заряды во врага. Все огневое превосходство было утеряно, и будучи в меньшинстве надеяться можно было только на проведение господне. Но для казаков этого было не мало. Со всей присущей им отвагой встретили врага копьями и саблями.

Чукчи опасаясь огненных стрел, были крайне отяжелены доспехами. Дополнительные кожаные полосы, металлические бляхи, пластины китового уса, при данных обстоятельствах оказались большим неудобством.

Русские напротив, поверх кожаных летних кухлянок имели легкие железные кольчуги, и шлемы. Они придавало движению полную свободу, и превосходно защищали от оружия противника.

На это раз схватка была на равных. Численное превосходство одних крылось стальным вооружением других.

Чукчи, вооруженные копьями и ножами, наседали со всех сторон. Сразу было видно, что копьем владеть они большие мастера. Достигая в длину восьми футов, оно заканчивалось с обеих концов железными наконечниками. Один из них был в локоть длиной, и остро отточен как бритва, другой мелкий и предназначенный только для колющего удара. Таким копьем можно было отсечь голову на подобие пальмы, что использовалось якутами и тунгусами.

Чукчи крутили копьями над головой с ловкостью фокусника, а фехтовали так быстро, что казалось древко гнется как кожа аркана. Чукотские копья своим видом напомнили Павлуцкому его, обер-офицерское копье, что было оставлено в Тобольске. Он был тоже не плохим мастером фехтования, и мог по достоинству оценить мастерство противника.

Когда копье приходило в негодность или было утеряно в бою, чукчи доставали большие ножи, подобие палашей и пытались противостоять казачьим саблям.

Русские держались стойко. Под ударами их стальных сабель трескали древки копий, рушились доспехи, а клинки чукотских ножей приходили в негодность.

Вот уже несколько часов длится сражение. Снова чукотские воины устилают землю. Но усталость берет свое. Враг ловит любую ошибку, любое неверное движения. Каждый русский уже имеет по ранению. Павлуцкий в бешенстве рубится в первых рядах. Свирепость охватившая его настолько велика, что его вид внушает страх даже русским. Еще немно-

го и усталость возьмет свое: реакция и быстрота пойдут на убыль, и русское воинство будет перебито.

Но фортуна крепко стоит за Павлуцкого, бережет своего любимца до поры. Гренадеры Маркова подоспели во время. Дружной штыковой атакой они опрокинули противника, и дав залп, оставшихся в живых обратили в бегство.

Это было третьим сражением, где остатки чукотского ополчения, пойдя на хитрость, пытались добиться победы. В этом бою участвовало пятьсот чукчей. Двести из них погибли и двести были ранены. Вскоре добитые коряками они ушли за своими братьями в верхний мир.

И снова Виктория. Отряд Павлуцкого потерял одного человека и все тридцать казаков имели множественные ранения. Гренадеры Маркова не получили и царапины.

Но это было не все. На следующий день после третьей баталии гости вновь пожаловали к Павлуцкому. На этот раз, два тойона береговых чукчей просились под Государеву руку. Они казались напуганными и чистосердечными. Капитану хотелось в это верить, но на всякий случай взял их в аманаты.

– Как родники ваши принесут ясак, и дадут шерть русскому Государю, так и выпущу, – заявил он.

Но ни на следующий день, ни позже более никто не явился. Между тем, как Павлуцкий лелеял надежду, и ожидая чукоч пребывал в бездеятельности, остатки чукотского ополчения и их семьи уходили прочь из Чукотского носа. При-

морские, покидали родное побережье, и уходили в байдарках на острова, вытесняя алеутов, а оленные в самые потаенные уголки тундры. От ныне чукчам быть духами, коих боятся но не видят.

Вскоре двух аманатов нашли мертвыми, то было самоудушение, а Павлуцкий записал в журнал:

– Привести чукоч в подданство невозможно, потому что у них нет ничего святого: дети отступают от отца, отцы от детей.

Чуть выше была еще запись из наблюдений капитана:

– Чукотская земля кругом Анадырского носу самая малая и пустая. Лесов и никаких угодий в той земле, рыбных и звериных промыслов не имеется, токмо довольно каменных гор да воды. Больше в оной земли ничего не обретается. Немирные чукчи живут в оной земле при морях и питаются нерпой и моржовым и китовым жиром и травой. Чукчи народ непостоянной, не так как прочие иноземцы в ясачном платеже обретаются. Чукчи народ сильный, рослый, смелый, крепкого сложения. Рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана. Мстительный, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают.

Более месяца простоял Павлуцкий у берегов Анадырского залива в ожидании бота «Святой Гавриил». Что приключилось с ним на этот раз было еще неизвестно. Вести, о непредвиденной зимовки и бунте Камчадалов, узнает Павлуцкий

лишь по возвращению в Анадырский острог. Все это время на голову штурмана Генса ежечасно, ежеминутно обрушивались проклятия капитана. Тем временем чукотские байдары беспрепятственно проходили мимо грозного воителя, увозя не покорившихся луораветланов на прибрежные острова.

После наступления заморозков, по первому снегу русско-корякское воинство покинуло побережье. В Анадырский острог прибыли более без приключений и баталий к концу октября 1731 года.

10

Трудно представить всю полноту проблем, что пришлось преодолеть в этом тяжелейшем воинском походе, длительно-стью полгода и протяженностью в две тысячи верст. И это в чукотской тундры, где условия крайне тяжелы, если не сказать худшие на земле.

Выносливость и отвага участников экспедиции выше всяких похвал, да и Павлуцкий показал себя смелым и умным офицером. Проведено три крупных сражения, не виданных доселе в здешних местах, и во всех виктория сопровождала русскому воинству.

Урон нанесенный чукотскому народу был страшен. Полторы тысячи мужчин пали на поле боя, а ведь это вероятно половина всего мужского населения. На несколько десятилетий затаился чукотский народ залечивая раны, и множа свое

племя. Теперь чукчи перейдут к партизанской войне, продолжая беспокоить русские и корякские поселения.

Против этих цифр русские потеряли убитыми четверых, восемь скончались от поветрия, да союзники коряки убитыми пять человек. Захваченные стада олений исчислялись в сорок тысяч голов, но на обратном пути они были утеряны по нерадивости пастухов – коряков. Лишь пятьсот чукотских олений пополнили государево стадо Анадырского острога. Именно потеря главного источника существования заставила оленных чукчей активизировать партизанскую войну.

В итоге выходило, что блестящие победы на поле боя, привели помимо затрат, лишь к ухудшению положения русских на чукотской земле. Такого в истории завоевания Сибири еще не бывало.

Глава вторая

В поисках Большой земли.

«Ветры кровь мою пьют
И сквозь щели снуют
Прямо с бака на ют,-
Меня ветры добьют:
Я под ними стою
От утра до утра,-
Гвозди в душу мою
Забивают ветра.»
Владимир Высоцкий

1

1732 год. Камчатка, Усть-Камчатское зимовье. К лету этого года русские окончательно замерили ительменов. Огнем прошлись казаки по всему полуострову, на веки отбив охоту у камчадалов ко всякому бунту.

Зимовье расположилось на большой черной песчано-галечной косе. Черный косы здесь дело обычное. Все восточное побережье окрашено в черный цвет вулканическим пеплом, что разносится на сотни километров при извержении

вулканов.

Кроме экипажа бота «Святой Гавриил» и десятка служилых наблюдающих за побережьем, более никого не было. Общими усилиями русские колонисты вновь отстроили Нижнекамчатский острог после разорения ительменами. Не стали уходить люди от старых погостов, да и земля там была подходящей для пахоты.

Бот «Святой Гавриил» перезимовал, хоронясь за косой, от морских волн в устье реки Камчатка.

Зимовку можно бы назвать благополучной, если не скверные отношения в экипаже. Точнее сказать в офицерской среде. А это у нас три фигуранта. Старшим офицером, согласно ордеру Павлуцкого, пребывал штурман Якоб Генс. Но ввиду многочисленных болезней, приобретенных за время пребывания на Камчатке, а также многочисленных злоупотреблений и излишеств, он самоустранился от службы, переложив все заботы на подштурмана Федорова.

Капитан Павлуцкий вот уже четвертый год, как не видел приданных ему морских офицеров. Оно конечно, где море, а где Анадырский острог. Но даже ему, сухопутному офицеру, было под час очевидным сколь выгоды имела бы Анадырская партия при активной участии Охотской флотилии.

Павлуцкий не мог понять, что происходит с флотилией. Не один из многочисленных ордеров, что он посылал Генсу, не был исполнен в полную меру, а то что происходило, результатов не давало.

Выходило так, что сухопутные отряды Анадырской партии действовали сами по себе, а флотилия жила своей жизнью, без всякого меж собой согласия. Доблестные офицеры флота российского, умудрившиеся за два года лишь пересечь Ламское море, и обогнуть южную оконечность Камчатки. В настоящее время находились в крайней депрессии, и скверных между собой отношениях.

Тяжесть ответственности, что выпала на долю подштурмана Ивана Федорова, не вязалась с его характером и служебным опытом. К тому же зимние баталии с камчадалами, непривычное питание, климат все не лучшим образом сказалось на его психике и здоровье. Страдающий ревматизмом, цингой он пребывал в полной меланхолии.

Единственный кто еще держал марку морского офицера, это наш третий фигурант, геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев. Молодой, пышущий здоровьем, он всю зиму провел в баталиях с камчадалами, непосредственно командуя отрядом морского дисанта.

Гвоздев, единственный кто не испытывал угрызения совести, всегда выполняя поручения и мало представлял общие задачи морской партии. Но даже он почувствовал приближение грозы. Тучи неминуемой беды сгустились над головами офицеров морской экспедиции.

А вот Генс и Федоров не сомневались в том, кого определит капитан Павлуцкий, виновниками всех неудач Анадырской партии. Их болезни прогрессировали так, что вскоре

они не могли даже передвигаться. Один потерял зрение, другой обезножил, бросив все дела на Гвоздева, что, будучи не плохим геодезистом, морское дело и управление ботом представлял весьма слабо, если не сказать, что не знал вовсе. Его служба, после окончания математико-навигационной школы проходила в Новгородском уезде, и морская практика отсутствовала вовсе.

Весной из Анадырского острога был получен ордер от капитана Павлуцкого датированный февралем 1732 года. Это был приказ Генсу о передачи дел экспедиции Гвоздеву.

— По ее Императорскому Величеству указу и по определению посланной партии велено тебе штурман имеющиеся при тебе команды солдат и служилых людей, всяких припасов и провиант: муку ржаную, крупы, масло, что имеются все налицо, с распискою отдать в команду геодезисту Гвоздеву, а тебе штурман, с подштурманом иметь у себя в команде одних матросов, а в другие ни в какие дела не вступать понеже известно нам, что ты ныне весьма слеп и ногами болен и врученное тебе дело отправлять невозможно. Да тебе ж, штурман, с подштурманом на боте «Гавриил» обще с геодезистом Гвоздевым, буде от болезней своих выздоровели, то идти на море, куда от нас ордером велено. А ежели вы от болезней своих не выздоровели, быть вам в Нижнем остроге до указа. А то, что от тебя штурман, геодезисту Гвоздеву отдано будет и которого числа, о том нам в Анадырский острог рапортовать немедленно.

После получения ордера занедужили штурман с подштурманом еще более. Время штука неумолимая. Осенью 1729 года офицеры прибыли в Охотск. Сейчас на дворе май 1732 года. Нечего сказать! Много воды утекло. Зимовки, праздность, безделье, что стали нормой, не могли быть бесконечно. Морской поход к Анадырскому устью навис как кара небесная. А вот харчевых то припасов поубавилось.

После всех поисков и разбирательств Михайло Гвоздев несколько поостыл. Картина складывалась весьма печальной. Ослепший штурман Генс не был даже в состоянии передать дела. На бумаге, провианту, пороху, свинцу, соли в достатке, а вот в амбарах пусто. Все попутки объяснятся со штурманом, вызывали лишь сомнение в здоровье его разума. Слепой, пьяный безумец представал Михаилу каждый раз, когда он пытался заговорить о делах со штурманом. Теперь и для него неизбежность сыска по морскому делу становилась реальностью.

Крепко пришлось думать Гвоздеву. Более всего беспокоили дела воровские, растратные. Наказание за них велико, более чем за дело изменное. Оттого и отписал письмо Якобу Генсу и зарегистрировал у Нижнекамчатского приказчика честь по чести.

– Сего 1732 году, мая 1 дня. В присланном ордере из Анадырского острогу от господина капитана Дмитрия Ивановича Павлуцкого мне геодезисту Михаилу Гвоздеву, велено у тебя штурман принять солдат и служилых людей, ружья, по-

роху, свинцу и харчей всяких припасов. Буде ты штурман глазами слеп и ногами скорблен, а в прочем никакой вам воли не давать.

И того ради тебе, штурману, служилых людей и мореходов, солдат и матросов прислать ко мне в команду, также и кормовых припасов, провианту и масла, бот «Святой Гавриил» и прочие припасы отдать нам с распискою в неукоснительном времени как указ ее Императорского Величества и присланный ордер повелевает.

В низу значилась роспись – геодезист Гвоздев.

Но письма письмами, а оттого в амбарах провианту не прибавилось. Перетаскали в трюмы, что было, да приказчик поделился остатками своих запасов.

– Время выбрано неудачно! – вздыхал он. – Ни тебе нового урожая, ни заготовок. А после зимы остатки невелики!

Большим благом для Гвоздева было присутствие на боте шкипера Кондратия Машкова и четверых матросов. Долго считали и рядили сколь солдат и служилых взять на бот. Вдосталь, всех, что при партии состояли – харчей нема! А по харчам выходило не более тридцати служилых. Воинство прямо сказать не великое. Ни тебе баталию устроить, ни бот против течения на ремнях по Анадырю тащить.

Но служба есть служба. Коли не справили во время, то хоть сейчас попытаться.

– Не исполнить ордер это сыск и неминуемое наказание, – рассудил Михайло Гвоздев. – А так авось что и выйдет! За

открытие новых земель аль островов, завсегда от государя благодать великая.

Право к чему было иностранца на такое дело за командира ставить, не та жилка. Цели великие, условия жесточайшие, а средства настолько мизерны, что без русского авось никуда. Хотя во многом и русские первопроходцы подрастеряли былую удаль.

Все бы ничего, да вот без штурмана никак нельзя. Хоть Гвоздев и не имел морского опыта, но Морской Устав Русского Флота, и табель о рангах знал подлинно. А согласно артикулов устава, бот «Святой Гавриил», как судно морское и при пушках должен иметь одного штурмана и подштурмана.

Должность штурмана хоть и относилась согласно табеля к унтер-офицерским, но забот было более чем достаточно. Без оногo любое удачное плавание окажется пустым делом, ведь на него возлагалось ведение журнала и карт. Во время плаванья он должен был сверять карты с реальной береговой линией, островами, скалами, рифами и наносить на карту все изменения и вновь открытые земли, а проводывание новых земель значилось в указах ее Императорского Величества как наиглавнейшим.

Бросив всякие попытки добиться толку от Генса, Гвоздев взялся за подштурмана. Последние дни, чуя беду, тот не поднимался с кровати. Иван, жаловался на слабость, жар и боли в суставах. То, что он действительно болен сомнений не вызвало. Заезжал к нему Большерецкий знахарь из казаков,

доглядывал, и сказывал про суставы распухшие и покраснения поясницы.

— Застудил кровь господин офицер и пошла лихоманка по телу. В народе ее утином кличут. Теперь только жаром да березовыми снадобьями гнать ее вон, — таков был его вердикт.

Велел он каждый божий день делать березовые шаровары. За этим занятием и застал Михаил Гвоздев больного Ивана Федорова.

Тот лежал на лавке. Ноги засунуты в мешки, что набиты доверху свежими березовыми листьями. В жаркий солнечный день, в протопленной избе, в таких панталонах было весьма жарко. Больному завсегда в двойне тяжело. От болезни мучения принимаешь, и от лечения тяжко. Но желание выздоровления так сильно, что и терпится.

Геодезист помог разомлевшему Ивану снять березовые мешки и натереть мазью суставы ног и поясницу.

Мазь была тоже по рецептуре казацкого знахаря. У тех школа давняя, проверенная. То снадобье из березовых почек, камфары и сливочного масла, в печке настояно.

— Ежели лежать, да штаны и мазь постоянно пользоваться, то в скорости и поправишься — пообещал на прощание казак.

Ну а геодезисту требовалось обратного. Не можно более того ждать. Погоде не прикажешь. В море все происходит по ее воле, и все заложники этой капризной барышни.

— Ну что брат Иван, — обращаясь к больному, начал Гвоздев. — Слышал про последний ордер господина капитана?

– Как же не слыхал! Все только о нем и гуторят, – чуть слышно выдохнул подштурман.

– Скоро ветра стихнут, надоть идти к Анадырскому устью, как велел Павлущий.

– Надоть, значить надоть! – отозвался как эхо умирающий. – Ты у нас ныне командир «Святого Гавриила» тебе и гюйс поднимать.

– Оно так! Только не можно мне бес штурмана идтить! Кто карты рисовать будет! Кто курс проложит!

– До Анадыря, вдоль берега и Кондратий Машков бот доведет.

– А случись в Ледяное море унесет бурей! Как тогда быть? – спросил Гвоздев.

– Машков мореход бывалый, и с компасом корабельным управится, не в первой.

– Ну а карты рисовать кто будет? Ежели новые земли проведаем! Дело ведь государево! – стал терять терпение Михаил.

Промолчал на это Иван, а Гвоздев, чувствуя слабость и тоску моряка, продолжал уговаривать:

– Вспомни, как мечтали в Санкт-Петербурге о землях неизведанных, как завидовали нам другие гардемарины.

– Оставь меня в покое! Слаб я! Дай покойно изгнать лихоманку. Молод еще! Жить хочу! Ступай без меня, с богом! – взмолился Федоров.

Так уговорами и не добился от подштурмана согласия но-

Тоже время. Стойбище тойона Кивающего Головой. Большая беда пришла в яранги луораветланов. Страшнее даже старики не припомнят. И то не голод с болезнями. Пришли в их земли страшные тангы, железом одетые. Чукотские стрелы и копья ломаются как тростинки о то железо. Метают тангы огненные стрелы бес счета. По приказу Солнечного Владыки истребили всех молодых воинов. Теперь ищут чукчей по побережью, а найдя, худо убивают.

От поселения, где Кивающий Головой был сильнейшим человеком, ничего не осталось. Его родники погибли в сражениях, а опустевшее жилище, с ледяным оконцем, коим он так гордился, было разрушено тангы.

Теперь у него нет яранги, и он превратился в бродягу. Хорошо, что спасли байдары. Теперь кочует на них вдоль побережья, и не зная покоя думу думает. Сейчас всему чукотскому народу не сладко. Это на войне в кучу собираются, а когда выживать то лучше одному. Холодный ветер потерял братьев и стадо олений. С остатками семьи откочевал на юг, в места доброй охоты, ему предстоит трудная зима.

Кивающий Головой – охотник за морским зверем. У него одна дорога на морские острова. Но алеуты и эскимосы не пустят его добром, снова предстоит битва. Тяжело, но надо

набрать крепких гребцов на две байдары.

Его взгляд остановился на русском пленнике. С весны он у него обитает. Живет на вроде собаки. Ни лучше, ни хуже. Спит с ними, с ними и ест. Первые дни те рыкали на него, а потом смотри, все обвыкли.

У приморских чукоч к собакам особое отношение. Их много бегают по поселку, а применения особого нет. Конечно в зимнее время собачьи упряжки в ходу. Можно сказать основное средство передвижения. Но береговые жители кочуют редко, ведь они люди оседлые. И собаки на первый взгляд в таком количестве ни к чему. Но это взгляд чужака, а чукчи так далеко не считают. Собака для них особое животное. Первейшее собачье дело охранять жилище от злого морского духа Кэреткуна. Если бы не они, он без труда, выйдя из моря, заберется в ярангу и утащит чукчу в море. Да и других духов собака всегда учует и отгонит свирепым лаям.

Прямое тому подтверждение этот пленник. Теперь и дух приобрел чукочий, а по началу женщины его палками гнали от яранг. Уж сильно русских дух для чукчи не выносим.

В другие времена убили бы пленника ради потехи, к чему лишний рот, но у тойона теперь есть большие планы на счет русского. Борьба с тангы не закончена. Что бы спастись, он уведет семью на дальние острова, где тангы его не найдут. Пройдут годы и вырастут новые воины. Они также не будут знать страха, а русский раб обучит их огненному бою. От него тоже родятся дети и будут чукотскими тойонами. Он

подозвал к себе пленника, и ткнув ему кулаком в грудь свирепо произнес:

– Тангыт!

Затем указав на себя:

– Луораветлан, Ангхалыт!

Потом снова ткнул в грудь пленнику:

– Ангхалыт?

Алексей Шубин, а это был именно он, уже знал эти слова, и без труда понял чего от него хочет дикарь, который волею проведения стал его господином. Тот предлагал ему присоединиться добровольно к морскому народу. Поручик кивнул головой в знак согласия, чем сильно обрадовал чукчу.

– А русский достаточно смышлен, – мысленно отметил Кивающий Головой.

Затем он подозвал старшего сына и устроил целое соревнование. Любые состязания всегда радостны и скоро все стойбище собралось в кучу, активно обсуждая происходящее.

А этим двоим досталось! Они бегали, наперегонки; прыгали через сани, кто больше; кидали камни, кто дальше, а закончилось все греблей на байдаре, и только голод заставил чукоч разойтись по ярангам. Победил чукотский юноша и все были довольны. С этой минуты Алексей становился гребцом и членом артели. Только сидеть ему посередине байдары, как самому последнему гребцу.

Это был серьезный день у поручика, можно даже не стес-

няясь назвать судьбоносным, триумфальным. Он ознаменовал самую нижнюю точку его бытия. Отныне его жизнь хоть и крайне медленно, но поползет вверх.

То, что пришлось пережить Алексею в первые месяцы плена, он вспоминал с содроганием. Каждый раз ему казалось, что страшное позади, но новые события затмевали предыдущие. Так он думал, когда успел укрыть детей от императрицы, и был арестован. После ареста, допросы и ссылка. Затем Тобольск, Иркутск, Якутск, бесконечная дорога уходящая в ночь.

Той ночью, когда чукчи завалили полог шатра, он думал, что пришел его конец, и молил бога о легкой смерти. Но бог тогда не услышал его молитвы. Копья кололи казаков, камни разбивали их головы, а его вытащили из под полога целым и невредимым. Оглушили костяной палицей, для порядка, связали кожаными ремнями и бросили в сани вместе с добычей.

Так он попал в поселок приморских чукок. По началу его появление вызвало любопытство у дикарей. Они приходили по одному, группами со всего поселка. Но вскоре всякий интерес к нему пропал. Все были заняты своим делом и на него ни обращали внимания. В поисках угла и пищи Шубин бродил по поселку как обычная негодная собака. Если вдруг доводилось попасть кому под руку, тут же получал удар камнем или палкой, словом, чем попадая.

Особенно чукам пришелся не по нраву его запах. Они

вообще склонны при оценке любой вещи обнюхивать ее, наподобие скажем собаки или писца. Очевидцы рассказывают, что истинный луораветлан способен по запаху определить какому народу принадлежат истлевшие кости, чукче, коряку или русскому. При расставании или встречи чукча обязательно обнюхает своего ребенка и жену, и во внутреннем пологе не допустит появление чужого запаха.

Запах Шубина пришелся им вовсе не по нраву. Юная чукчанка Лилинг, дочь сильнейшего, даже лишилась чувств от благоуханий поручика. Его прогнали из яранги, и будь зимние морозы, непременно бы сгинул. Но, на беду, в тундре весна, и в образе шелудивого пса, проклиная всех святых, бывший поручик лейб-гвардии продолжил свое существование.

В эти дни Шубин ни раз задумывался о самоубийстве, но будучи добрым православным христианином, пойти на столь тяжкий грех не отважился. Ведь сказано, что гореть за то в гиене огненной, а единственно что он мог для себя сделать так это спасти душу, через терпение и страдание.

Как человеку от природы не злобливому, ему оказалось проще найти понимание с животными. Скоро собаки всех яранг считали его за своего, и делились куском мяса. Во время охоты на морского зверя для всех начинается сытая жизнь. Весною из ям достают старое подпорченное мясо, а закладывают свежее. Чукча знает – лучше отдать, чем выбросить добро.

Шубину доставались подпорченные куски тюленьего мяса и жира. От голода кружилась голова, но куски сырого мяса, издаивающие тошнотворные запахи, упрямо не шли в горло. Его естество, еще помня изыски придворной кухни, отвергало столь непотребную пищу. Но эта борьба в конце концов закончилась победой грубых инстинктов, что крепко заложены нам природой, и кусочки прогорклого жирного сырого мяса заурчали перевариваясь в желудке. Это было серьезным достижением поручика, в борьбе за жизнь. Отныне приходилось забыть о существовании соли, хлеба, да и самого понятия кулинарии, как метода приготовления пищи на огне. Ведь теперь сырое мясо основное блюдо, а изыски заключаются в том от какого животного и с какого места.

Русский дух постепенно выветрился у Алексея, и затесавшись в свору собак, укрываясь от непогоды, он стал попадать во внешний шатер яранги. Теперь у него стала кружиться голова от чукотского запаха, не менее чем у нежной Лилинг от русского духа. Поручик хоть и приобрел чукочий запах, но надо еще и привыкнуть, а привыкать было к чему.

Чукотская ярангу, начинается с обширного внешнего шатра, и узкого лаза представляющего затейливый лабиринт из множества занавесей. Внутри внешнего шатра, вдоль дальней от входа стенки располагали внутренние пологи. Их может быть несколько, и это теплые спальные помещения для каждой семьи, из проживающих в данной яранге: родителей, детей и их жен. Так вот внешний полог, отапливаемый

лишь в сильные морозы, является прибежищем от непогоды хозяйских собак, и местом хранения продуктовых запасов. Здесь в вырытых ямах, закрытых старыми прокопченными шкурами хранятся, мясо, рыба, ягода и всяческие корнеплоды. Особо пахучим является зеленоватая масса полупереваренного оленьего мха, что приобретаетс у оленных чукоч во время забоя. Вытряхнутая из желудков, содержимое доквашивается в яме и с успехом используется в пищу попеременно с жиром или кровью. Так что Алексею еще многое предстояло опробовать, привыкнуть, стерпеть на пути совершенства и познания таинства народа луораветланов.

С молчаливого согласия Кивающего Головой, он соорудил себе лежбище из старых оленьих шкур, на подобие внутреннего полога. В тесном помещении, разместился и жировик. Его Алексей соорудил из камня, что имел углубление. Туда уложил несколько тюленьих косточек, и облитые жиром они с успехом обогревали его жилище. Заимев свой очаг, он даже возжелал запас оленьего костного жира, что горел ярко, жарко и имел особенность не коптить вовсе. Но это были мечты, достойные только состоятельных луораветланов. Не всякий оленный чукча мог позволить себе такую роскошь.

Все это время Кивающий Головой молчаливо наблюдал за пленником.

– Зачем убивать тангы. Это легкая смерть, и он попадет в верхний мир, – рассуждал сильнейший. – Если не загрызли собаки, замрзнет, или умрет с голоду.

Но прошел месяц, другой, а русский все еще был жив, и даже нашел приют в яранге Кивающего Головой.

– Раб, что собака! Но та сторожит жилище, отгоняет песцов, таскает нарты, а с этого какой прок?

После длительных раздумий мудрый тойон нашел занятие и для жалкого раба. Во внутреннем пологе чукчи проводят много времени. Здесь спят, принимают пищу, отдыхают, рукодельничают. Оттого в каждом пологе имеется чаша для испражнений. По мере заполнения она выставляется во внешний полог. Вот выносить эти сосуды и стало основной обязанностью поручика лейб-гвардии. И то право кто же будет за даром раба кормить. Все, какая польза есть!

Обязанность эта вполне обычна и даже полезна. Ведь чукчи специально приучают своих ездовых оленей к моче. Напиток этот олени очень любят, дают себя им приманить и этим приучаются узнавать своего хозяина по голосу. Говорят, если умеренно поить оленей мочой, то они становятся выносливее при перекочевках и меньше устают. От того чукчи всегда держат в яранге большой таз из кожи, чтобы в него мочиться.

Но уразуметь эти обязанности раб ни как не желал. Ох уж и доставалось поручику от чукчей за его тупость и несговорчивость.

– Глупый тангы попался, – переживал Кивающий Головой. – Совсем простых вещей не понимает.

Человеческая моча у чукчи вещь не бросовая. Она и как

питье сгодится, и в пищу, а уж как олень испить ее любит! Потом с ума сходит, и весьма резво сани тащит.

За упрямство, тогда могли и забить насмерть Алексея Шубина, но грянула война. Все мужчины охотники ушли с ополчением на огненных тангы, где за главного был железом одетый Якунин.

Почему капитана Павлуцкого прозвали чукчи Якуниным известно лишь одному господу богу. Но во всех чукотских сказаниях о битвах именно так называют командира Анадырской партии капитана Дмитрия Павлуцкого. От ныне, и на века, он остался в памяти чукотского народа как Якунин. Корни этого слова надо искать в чукотском языке. Не в их характере заимствовать слова тангы. Каждому предмету они дают свое именование, а каждому человеку свое имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.